

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ

1887

Проз. 50

Я Н В А Р Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ПОЛНОЕ ОПРОВЕРЖЕНІЕ ДАРВИНИЗМА. Н. И. Страхова.
- II. СУДЕБНЫЯ ДОКТРИНЫ 1861—1864 НА ПРАКТИКѢ. Гл. I—VI. В. Я. Фукса.
- III. ДѢТИ СОЛНЕВЫХЪ. Изъ дневника институтки двадцатыхъ годовъ. Гл. I—IV. В. (Автора повѣсти *Отчего*).
- IV. ПОГРЕБАТЕЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ. Гл. I—III. И. В. Цвѣтаева.
- V. СКВОЗЬ ОГОНЬ СТРАСТИ. Романъ. Часть первая. Гл. I—V. Д. М. Позняка.
- VI. РУССКАЯ ДИПЛОМАТІЯ СТАРАЯ И НОВАЯ. С. С. Татищева.
- VII. ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА. Стихотвореніе. А. Н. Майкова.
- VIII. РАЗКАЗЫ ИЗЪ ПРОСТОНАРОДНАГО БЫТА. Конокрадъ. Р. Л. Маркова.
- IX. ПО ПОВОДУ „КАМЕННОГО ГОСТЯ“ ВЪ МОСКВѢ. Г. А. Лароша.
- X. СТИХОТВОРЕНІЯ. I. „Прощельнымъ заревомъ горитъ закатъ багровый.“—II. „Какъ странникъ подъ гнѣвомъ валищихъ лучей.“—III. „О, вѣрю я: никто не виноватъ!“—IV. „Мой другъ, когда во дни разлуки“. Графа А. А. Голенищева-Кутузова.
- XI. БИБЛИОГРАФІЯ. I. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.—II. *Kz чтенію церковно-греческаго текста*. Составилъ Фокковъ. Кіевъ. 1886 года И. И. Соловьева.
- XII. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. I. Политика германскаго канцлера.—II. Пробныя выстрѣлы.—III. Одиссея лжеболгарскихъ делегатовъ.—IV. Италианцы на Красномъ Морѣ.—V. Германское вторженіе въ Россію.—VI. Наслѣдіе бывшаго финансоваго управленія.—VII. Сеуды подъ хлѣбъ.—VIII. Лѣсоохрненіе.—IX. Заселеніе Черноморскаго побережья.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

БУХГОЛЬЦЫ ВЪ ИТАЛИ Юліуса Штинде. Переводъ съ нѣмецкаго.

ДѢТИ СОЛНЦЕВЫХЪ

Изъ дневника институтки двадцатыхъ годовъ.

I.

— Вотъ расходилась-то! сказала громко человекъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, очень миниатюрно сложенный, поднимая голову отъ работы, которою онъ былъ усердно занятъ въ теченіе вѣсколькихъ часовъ сряду.—У, погода!

Онъ всталъ, потирая руки и, вздрагивая отъ холода, подошелъ къ окну.

— Что за темень, зги не видать! И какъ страшно дуетъ отъ оконъ! сказала онъ, обращаясь въ противоположный уголъ комнаты.

— Да, а Федя до сихъ поръ еще не вернулся. Не понимаю что могло его задержать, послышался въ отвѣтъ мягкій голосъ, въ которомъ слышалось безпокойство.

У-у-у! завывала съ переливами, порывисто ворвавшійся въ трубу вѣтеръ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ комнатѣ одной изъ квартиръ нижняго этажа большого каменнаго дома, стоявшаго на набережной Невы, а квартиру эту занималъ Дмитрій Федоровичъ Солдцевъ, надворный совѣтникъ, служившій секретаремъ въ одномъ изъ ученыхъ учрежденій столицы. Дмитрій

Федоровичъ былъ добрейшій человекъ, прекрасный семьянинъ и христіанинъ. Онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми, кто его зналъ. Къ нему обращались и за помощью, и за совѣтомъ; его брали посредникомъ въ семейныхъ ссорахъ; съ нимъ совѣтовались какъ отдѣлать квартиру, куда отдать дѣтей на воспитаніе, куда подать просьбу о пенсіи. Дмитрія Федоровича, этого маленькаго, добраго, ласковаго человека, любили и знакомые, и сослуживцы, и низшіе служители.

Дмитрій Федоровичъ былъ единственный сынъ когда-то богатаго помѣщика *** губерніи. Его мать, происходившая изъ древняго дворянскаго рода, умерла въ то время когда ему было всего четыре года отъ рожденія. Лѣтъ черезъ восемь послѣ ея смерти, отецъ его женился вторично, на одной изъ своихъ крѣпостныхъ, а мальчика, вскорѣ затѣмъ, взялъ одинъ изъ дядей по матери къ себѣ и воспитывалъ его сначала вмѣстѣ со своими дѣтьми, потомъ отдалъ въ дворянскую гимназію при университетѣ въ Москвѣ. Семнадцати лѣтъ молодой человекъ лишился отца, успѣвшаго въ конецъ разорить имѣнье, и еще при жизни, разными обходами, передать жалкіе остатки полученнаго отъ дѣдовъ наслѣдія дѣтямъ второй жены. Дмитрій Федоровичъ поступилъ въ Московскій университетъ, окончилъ курсъ и тотчасъ по протекціи дяди получилъ мѣсто съ небольшимъ окладомъ въ Петербургѣ. Жить было трудно, онъ сталъ давать уроки, устроился повенному и двадцати шести лѣтъ женился на двадцатилѣтней умной, красивой, образованной дѣвушкѣ, дочери гувернантки двоюродныхъ сестеръ, Аннѣ Францевнѣ Трѣйфельдъ, которую зналъ съ десятилѣтняго ея возраста и которой „покаялся въ вѣрности“ поступая въ университетъ. Женитьба эта, какъ поступокъ недостойный дворянина, была причиной разрыва всѣхъ родственныхъ отношеній между семействомъ дяди и племянникомъ.

Молодая чета Соляевыхъ жила очень скромно и очень счастливо. Оба трудились съ утра до вечера и не тяготились трудомъ. Дмитрій Федоровичъ, проводившій съ десяти часовъ до четырехъ, а иногда и до пяти на службѣ и засиживавшійся до глубокой ночи надъ срочною частною работою, всегда находилъ въ спокойной, веселой, энергичной Аннѣ Францевнѣ и правственную поддержку, и помощницу въ трудѣ. Дѣтей у нихъ было четверо, два сына и двѣ дочери. Квартиру Соляевы занимали небольшую по числу комнатъ, но всѣ

три комнаты были свѣтлыя, большія, окнами на солнечную сторону и на Неву. Анна Францевна толково занималась незатѣпливымъ городскимъ хозяйствомъ, то-есть сама ходила на рынокъ, закупила провизію раза два въ недѣлю, съ помощью единственной крѣпостной, пожилой женщины готовила кушать, учила дѣвочекъ, переписывала работу мужа, дѣлала для него переводы и выборки изъ сочиненій, и такъ оба трудились счастливые и спокойные девятнадцатый годъ вмѣстѣ.

Дмитрій Федоровичъ приблизилъ лицо къ стеклу и пристально вглядывался въ темноту. Вѣтеръ вылъ и злился, потрясал оконныя рамы. Тусклые желто-красные огоньки, въ рѣдко разставленныхъ по обѣимъ сторонамъ набережной фонаряхъ, метались во всѣ стороны не освѣщая тьмы, но только намѣчая дорогу; Нева вздымалась крупными волнами и съ шумомъ билась о крѣпкія гранитныя стѣны.

— Ужь не пойти ли мнѣ за нимъ? произнесъ нерѣшительнымъ голосомъ, какъ будто обдумывая что-то, Дмитрій Федоровичъ и подошелъ къ столу за которымъ Анна Францевна и двѣ дѣвочки, одна лѣтъ одиннадцати, другая семи, что-то прилежно шили.

— Что ты, Господь съ тобой! сказала Анна Францевна, поднимая отъ работы голову.

Сильный порывъ вѣтра съ яростью налетѣлъ на окна, рамы заскрипѣли, вѣтеръ, гудя и свистя, понесся далѣе, стекла задребезжали и крупныя капли дождя громко и часто забарабанили по стекламъ.

— Ему такъ не здоровилось съ утра что можетъ-быть Алексеѣй Григорьевичъ не пустилъ его домой по этой погодѣ.

— Нѣтъ, сказала Анна Францевна.—Федя знаетъ что мы будемъ безпокоиться, да и гдѣ же онъ оставитъ его...

Дмитрій Федоровичъ постоялъ съ минуту молча, потомъ взялъ съ продолговатаго лакированнаго лоточка, стоявшаго на столѣ, щипцы, сощипнулъ нагаръ съ обѣихъ горѣвшихъ на столѣ сальныхъ свѣчекъ и со щипцами въ рукахъ прошелъ къ своему столу, гдѣ тоже слялъ со свѣчей нагаръ.

— Варя, возьми-ка щипцы, сказалъ онъ громко.

Младшая дѣвочка, очень довольная что можетъ расправить ноги, подбѣжала къ отцу, обняла его, по дорогѣ дернула сестру за рукавъ, подѣловала мать и сѣла на свое мѣсто.

Въ комнатѣ на вѣкоторое время стало свѣтлѣе.

— Да наконецъ вы можете и разойтись, продолжала Анна Францевна послѣ нѣкотораго молчанія,—даромъ только студиться будешь. Богъ милостивъ! добавила она и принялась шивать двѣ вмѣстѣ сложенные полосы темной шерстяной матеріи такъ скоро что издали казалось будто ея рука кружилась безъ цѣли по воздуху.

Дмитрій Федоровичъ сѣлъ на свое мѣсто, взявъ гусиное перо, поправилъ перочиннымъ ножичкомъ концы его, попробовалъ раскѣпить на ногтѣ, потомъ обмакнувъ перо въ чернила, написалъ свою фамилію на клочкѣ бумаги, сдѣлалъ росчеркъ, остался доволенъ перомъ, хотѣлъ было писать, но вдругъ задумался, откинулъ голову на спинку кресла и въ этомъ положеніи оставался нѣсколько минутъ.

Въ комнатѣ опять воцарилась на минуту нарушенная тишина; свѣчи опять горѣли тусклѣе, Анна Францевна продолжала кружить рукой по воздуху, дѣти медленно, молча что-то шили, низко нагнувъ головы надъ работой. Тишина нарушалась только по временамъ отрываемой ниткой, катушкой поставленной на столъ, да мѣрнымъ *тикъ-такъ, тикъ-такъ* давняго маятника часовъ висѣвшихъ въ футлярѣ на стѣнѣ у двери.

Вдругъ раздалось громкое шипѣніе, что-то щелкнуло, и послышались одинъ за другимъ протяжные, хриплые удары.

— Разъ, два, три, считала младшая дѣвочка въ полголоса, поднявъ голову и смотря своими веселыми карими глазами по направленію откуда слышались звуки.

Анна Францевна, снимая со стола длинную полосу матеріи, печально задѣла ножницы; онѣ съ шумомъ звонко ударились объ полъ. Въ эту самую минуту дверь въ комнату отворилась, и на порогѣ ея показалась человѣческая фигура.

— Ахъ! вскрикнулъ Дмитрій Федоровичъ, живо вскочивъ на ноги, но тотчасъ же сѣлъ въ кресло и произнесъ задышающимъ голосомъ:—уфъ! какъ ты меня испугалъ, Одея!

— Одея! Слава Богу! послышался громкій радостный голосъ съ другаго конца комнаты.

Анна Францевна торопливо положила работу на столъ и пошла на встрѣчу къ сыну, который здоровался съ отцомъ.

— Чтѣ ты такъ поздно? Мы ужъ начинали беспокоиться, и какъ это мы не слышали что ты пришелъ?

— Я все переживалъ, думалъ, авось вѣтеръ стихнетъ, сказалъ веселымъ голосомъ высокій, худой, съ тонкими, правильными

чертами лица мальчикъ дѣтъ шестнадцати. — Погода адская, идти такъ тяжело, точно возъ везешь; разъ десять останавливался, поворачивался спиной къ вѣтру и стоялъ долго не двигаясь. Кажется провеслось, думаю; не тутъ-то было, ногами перебираю, а не двигаюсь ни на шагъ; вѣтеръ рветъ и насквозь пронизываетъ. И холодъ же! А тутъ еще, на бѣду, не успѣвъ я перейти мостъ какъ пошелъ дождь, и я промокъ буквально до костей. Оттого и не пришелъ съ парадной, а пробрался по черной лѣстницѣ на кухню, переоделся и развѣсилъ свои доспѣхи для просушки. Я ужъ давно дома, прибавилъ онъ.

— А я вѣрно задремалъ сидя и проспался отъ какого-то звона и громкихъ ударовъ въ набать, открылъ глаза и вдругъ въ двери на порогѣ вижу... съ просонья не разглядѣвъ тебя, сказалъ Дмитрій Федоровичъ, обращаясь къ сыну. — Странно, продолжалъ онъ въ раздумьи, — какъ иногда ни съ того ни съ сего вдругъ съ поразительною ясностью вспоминается что-нибудь давнее, прошлое. Я никогда не вспоминалъ, да и совсѣмъ думать о такой старинѣ забывалъ; но тутъ вотъ мигомъ въ минуту пробужденія предо мною какъ будто встала живая картина давно минувшаго...

Дмитрій Федоровичъ всталъ и, ежась отъ холода и запахивая халатъ, перешелъ на диванъ. Анна Францевна и дѣти молча ждали продолженія. Онъ сѣлъ глубоко въ уголъ дивана, дѣти, съ ними и старшій братъ въ перегонку подбѣжали къ стоявшему у дивана большому старинному креслу и всѣ трое, каждый стараясь занять какъ можно менѣе мѣста, втиснулись въ кресло какъ могли. Анна Францевна встала.

— Отдохни, Анна; сядь вотъ здѣсь, сказалъ Дмитрій Федоровичъ и взявъ прислоненную къ спинкѣ дивана подушку съ вышитымъ по канвѣ букетомъ цвѣтовъ заботливо положилъ ее подъ локоть жены.

— Устала? спросилъ онъ съ участіемъ.

Анна Францевна на вопросъ его отвѣтила вопросомъ:

— Чтò же такое Одея напомнилъ тебѣ?

— Не Одея, а все... я не сумѣю даже сказать чтò именно... время, вѣтеръ, холодъ, бой часовъ, внезапное появленіе Оеди... все вмѣстѣ можетъ-быть... но меня вдругъ охватило воспоминаніе о той порѣ когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ и я жилъ съ отцомъ въ Покровскомъ нашемъ имѣніи. Ты бы, Одея, нагарь социлинулъ, а то совсѣмъ темно, сказалъ Дмитрій Федоровичъ.

Федя всталъ, снялъ со свѣчей и вернувшись на свое мѣсто спросилъ:

— А куда же дѣлось имѣніе дѣдушки?

— Имѣніе дѣдушки? Имѣніе ушло еще при его жизни, а куда?—Онъ развелъ руками.—Онъ женился во второй разъ, добавилъ Дмитрій Федоровичъ неохотно.—Меня, на тринадцатомъ году, взялъ къ себѣ въ Москву братъ покойной матери, и я отца болѣе не видѣлъ. Лѣтъ чрезъ пять, когда намъ дали знать о его кончинѣ, я поѣхалъ съ повѣреннымъ дяди въ имѣніе... Оказалось что все что можно было продать, продано отцомъ при жизни, что самъ онъ жилъ послѣдніе мѣсяцы и скончался въ заемномъ домѣ и что послѣ него остались неоплаченные долги... Его обобрали до чиста, такъ все и ухнуло. При мнѣ остались дядька Игнатъ и его жена Марина, отпращенные отцомъ со мной въ Москву. Игнатъ умеръ на моихъ рукахъ, а Марина и теперь съ нами.

— А какъ же вы-то? спросила однанадцатилѣтняя, хорошенькая, съ умнымъ выраженіемъ лица, дѣвочка, поймавъ руку отца и приложивъ ее къ своей щекѣ.

— Что, какъ я?

— Какъ же вы-то остались, если дѣдушка все имѣніе... она остановилась, соображая какъ бы выразиться,—все имѣніе прожилъ и еще оставилъ долги?

— Я вернулся къ дядѣ, поступилъ въ университетъ, потомъ, по милости дяди, получилъ мѣсто въ Петербургѣ, женился, и вотъ, какъ видишь.

— Да? Бѣдный, несчастный палочка! сказала дѣвочка, вставъ съ кресла и ласкаясь къ отцу.

— Бѣдный—правда, въ смыслѣ неимущій, нищій, но не несчастный, благодарю Господа. Видишь ли, сказалъ онъ, поставивъ дѣвочку предъ собой и держа за обѣ руки,—еслибы я остался богатымъ владѣльцемъ, я бы не жилъ у дяди и, по всей вѣроятности, не встрѣтился бы съ твоей мамой и не женился бы на ней, и у меня не было бы такихъ хорошихъ дѣтей, добавилъ онъ широко раскрывъ руки и разомъ обхвативъ всѣ три хорошенькія головки и прижавъ ихъ къ своей груди.

— А еслибы и это все было, и имѣніе... большой старинный домъ, садъ, поля... какъ бы это было чудно! сказала дѣвочка съ восторгомъ.

— Да, произнесъ Дмитрій Федоровичъ въ раздумьи,—да; впрочемъ, какъ знать...

Погода бушевала всю ночь. Вода въ Невѣ бурлила, клокотала и поднималась высокими, лѣнистыми волнами. Фонтанка, Мойка и каналы вздувались съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе, силясь перескочить сдерживавшую ихъ гранитную преграду. Тяжелыя, свинцовыя тучи, гонимыя вѣтромъ, непрерывно неслись другъ за другомъ низко надъ городомъ. Улицы опустѣли, изрѣдка лишь кое-гдѣ слышался неясный заглушаемый воемъ и свистомъ вѣтра, шумъ колесъ сѣвшившаго куда-то экипажа, да разносился вѣтромъ протяжный окаякъ часового.

Наступило утро, темное, мрачное, холодное. Церковныя колокола стали сзывать народъ на молитву. На ихъ глухой призывъ мало кто откликнулся.

— Помилуй Богъ, какая выюга, на ногахъ не устоишь! говорилъ жень одинъ заботливый супругъ.—Что ты, мать моя, куда собираешься, не иди сегодня, Богъ не взыщетъ, дома помолись; путный хозяинъ и собаку на улицу не выпуститъ, убѣждалъ другой.

Выходившіе изъ дому, за хлѣбомъ или за провизіей, шли торопливо, съ трудомъ удерживая распахивавшіяся полы сапоговъ и бекешей, и возвратясь домой увѣрали что такого бѣшеннаго вѣтра никогда еще не бывало.

Дмитрій Федоровичъ, аккуратный во всемъ и въ особенности аккуратный до педантизма относительно службы, несмотря на погоду, вышелъ изъ дому, какъ и всегда, ровно въ девять часовъ. Федя пошелъ было на урокъ, но пройдя шаговъ пять-десять рядомъ съ отцомъ, остановился.

— Что, братъ? обернулся къ нему Дмитрій Федоровичъ, поднимая воротникъ и надвигая крѣпче шляпу.—Вернись-ка ты лучше домой... Экій адъ! произнесъ онъ съ досадою, дѣлая невольный пируэтъ и схватываясь за шляпу.—Да не выходи никуда, слышишь? И дѣтей чтобы не выпускали! крикнулъ онъ вслѣдъ сыну.

— Посмотрите, баринъ, какія чудеса! встрѣтилъ Федю у воротъ дома молодой парень въ валенкахъ, нагольвомъ тулупѣ, подпоясанномъ полосатымъ краснымъ съ зеленою каймою поясомъ, закрученнымъ вокругъ талии, и въ шапкѣ плотно надвинутой на уши.—Чудно, право!

Съ этими словами онъ прошелъ въ калитку запертыхъ воротъ, пригласилъ Федю слѣдовать за нимъ, и придя во дворъ

остановился. Посреди двора вода била фонтаномъ и разливалась по двору.

Федя торопливо вернулся домой и, вбѣжавъ въ комнату сестеръ, позвалъ ихъ полюбоваться на необыкновенное явленіе. Фонтанъ былъ прекрасно виденъ изъ окна передней, выходившей во дворъ. Всѣ трое, стоя у окна, стали съ любопытствомъ смотрѣть на него и на постоянно смѣявшуюся у него публику.

— Вотъ, вотъ, смотри, это счетчикъ который живетъ во-о-онъ въ томъ окошкѣ и его Дружокъ; такъ и есть, непременно тутъ, его вездѣ спрашиваютъ!

Дружокъ, небольшая дворняжка, бѣлая, съ черными пятнами, на короткихъ ногахъ, съ хвостикомъ, завернутымъ кренделькомъ, выбѣжала очень рѣшительно во дворъ за своимъ длиннымъ, худымъ, въ накинутой на плечи поддевкѣ и надвинутой на глаза фуражкѣ хозяиномъ, но не добѣжавъ до фонтана, еще рѣшительнѣе повернулась, добѣжала до порога низенькой двери, откуда только-что выбѣжала, остановилась и стала съ безпокойствомъ слѣдить за движеніями своего хозяина.

— И та туда же! Марша! вскрикнула тоненькимъ голоскомъ, смѣясь, остроглазая семилѣтняя дѣвчонка, младшая дочь Дмитрія Федоровича.—Какъ это она еще Леву съ собой не понесла?... Марша!...

Она постучала кулакомъ въ стекло.

— А ты бы посмотрилъ что на Невѣ дѣлается! сказала старшая сестра, обращаясь къ Федѣ.—Пойдемъ, тамъ лучше. Страшно, но картина чудесная. Нева свинцовая, почти черная, волны большущія; какъ онѣ налетятъ другъ на друга, столкнутся—все покроется лѣной и брызги полетятъ высоко, высоко, чуть не до облаковъ. Пойдемъ!...

Она схватила брата за руку, и дѣти, умѣющія радоваться всякой новизнѣ, побѣжали въ кабинетъ отца.

Вода въ Невѣ была необычайно высока, почти въровень съ тротуаромъ. Она волновалась, кипѣла и лѣнилась. Волны съ яростію ударялись о гранитныя стѣны, сталкивались, со страшнымъ шумомъ разбивались и разлетались брызгами.

— Вотъ, вотъ, смотри, эта... эта перескочитъ непременно, безпрестанно вскрикивала младшая дѣвочка, хватая брата за руку.—Уфъ, какая!...

Охотниковъ полюбоваться на небывалое зрѣлище набиралось все болѣе и болѣе. Народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ,

Вѣтеръ бушевалъ, пронизывая любопытныхъ вѣсквозь, срывалъ съ нихъ шапки, закручивалъ и сбивалъ ихъ съ ногъ. Не было уже возможности стоять и мало-по-малу набережная стала пустѣть. Гулъ и шумъ усиливались. Волны росли, росли, и вдругъ съ неистовымъ ревомъ переваляли и устремились на берегъ.

Это было вѣкорѣ послѣ полудня.

Въ томъ домѣ гдѣ жилъ Дмитрій Федоровичъ, какъ и въ каждомъ домѣ всей мѣстности подверженной опасности, подвѣсясь суматоха. Подвальные жильцы, въ испугѣ, захвативъ ребятъ, больныхъ, да кое-какія попавшія первыми на глаза пожитки, металась отъ двери къ двери верхнихъ жильцовъ и молила о помощи и пріютѣ.

Анна Францевна, давно занятая уборкой и укладкой вещей, взглянула въ окно—мостовой уже не было видно. Она торопливо одѣла дѣтей, отправила маленькаго сына съ няней и младшею дочерью на верхъ къ знакомымъ, а сама съ Федей и старшей дочерью стала свизывать въ узлы одежду, книги, бумаги и болѣе цѣнные вещи и выносить ихъ на лѣстницу.

— Скорѣе! скорѣе! что вы дѣлаете?! вдругъ закричалъ Дмитрій Федоровичъ, вбѣгая въ комнату гдѣ Анна Францевна и дѣти, занятые укладкой, и не замѣчали подступившей опасности.

— Сейчасъ, только это еще, отвѣчала Анна Францевна, въ попыхахъ хватая какую-то мебель. Она и дѣти громоздили мягкую мебель на двуспальную кровать и диванъ.

— Брось все!... Вѣдь не уйти! крикнулъ Дмитрій Федоровичъ съ ужасомъ, и схвативъ на руки дочь, сталъ пробираться съ ней къ выходу.—За мной, за мной! кричалъ онъ женѣ и сыну. Вода изъ подвального этажа уже поднялась къ нижнему и съ необычайною быстротой разливалась по всей квартирѣ. Половицы съ трескомъ поднимались. Федя и Анна Францевна, держась за руки, съ трудомъ, на четверть въ водѣ сѣдовали за Дмитріемъ Федоровичемъ. Когда они выбрались на лѣстницу, Дмитрій Федоровичъ перекрестился, отеръ лобъ, и освѣдомившись къ кому отправлены дѣти и гдѣ Анна Францевна надѣется пріютиться, сказалъ:—Ну, Христосъ съ вами, до свиданья, теперь я поѣду.

— Куда?! съ изумленіемъ спросила Анна Францевна.

— Опять туда, на ту сторону, показавъ Дмитрій Федоровичъ на противоположный берегъ Невы.—Авось Богъ поможетъ.

сласти кого - вѣбуа еще. Ты не можешь себѣ представить что тамъ дѣлается, въ этихъ низенькихъ, деревянныхъ домикахъ. Нѣкоторыя женщины и даже мужчины растерялись до того что мечутся, плачутъ, и вмѣсто того чтобы бѣжать, они, по колѣна въ водѣ, насилу удерживаясь на ногахъ, собираютъ свое тряпье и всякій негодный хламъ. Многихъ мнѣ приходилось вытаскивать изъ подваловъ просто силой. Въ одной квартирѣ я нашелъ двухъ оставленныхъ дѣвочекъ дѣтъ трехъ-четырехъ, онѣ кричали что было силъ. По всей вѣроятности, мать, какъ увидѣла что вода выступаетъ, перепугалась и, не понимая что дѣлается, посадила ребятъ на комодъ и строго наказавъ имъ чтобы они не двигались, сама убѣжала искать помощи и ужъ конечно не могла попасть назадъ.

— Я вѣдь въ лодкѣ, добавилъ онъ, — и мнѣ пора, время уходить. До свиданья. Вернусь какъ только можно будетъ. До свиданья.

Онъ протянулъ руки къ женѣ.

— Нѣтъ, ты не поѣдешь, Митя! сказала взволнованнымъ голосомъ Анна Францевна. — Мы здѣсь съ ума сойдемъ. Подумай, какъ ты насъ оставишь! Такой ужасъ, да и ты навѣрное распростудишься. Не понимаю что за польза наконецъ отъ того что ты поѣдешь? Что можешь ты сдѣлать? Не ѣзди, прошу тебя.

— Какъ что? Я, да другой, да третій, и мы спасемъ десятки людей. Посуди, Анна, еслибы все, какъ мы теперь, сказали: дѣло обойдется безъ насъ—что бы вышло? Сколько бы лишнихъ жертвъ могло погибнуть, а отчего? только оттого что я, и другой, и третій побоялись бы промочить себѣ ноги и простудиться.

При этихъ словахъ Дмитрій Федоровичъ обнялъ жену, сына и нагнулся чтобы поцѣловать тутъ же стоящую старшую изъ дѣвочекъ, но она обхватила шею его руками и умоляющимъ шепотомъ нервно стала просить его: „Палочка, милый, не уходи, что съ вами будетъ, папа!“

Дмитрій Федоровичъ рознялъ ея руки и, отодвинувъ ее отъ себя, взялъ ее за плечи и глядя въ ея глаза сталъ шутливо говорить:

— Ай, ай, ай, Катюша, ты ли это? Это моя-то ученица! А я думалъ что ты становишь просить чтобы я и тебя взялъ съ собой. Хорошо бы былъ твой папа еслибъ остался сложенъ

руки дома, въ то время когда каждая пара здоровыхъ рукъ такъ важна!

Сказавъ это, онъ крѣпко поцѣловалъ дочь въ оба глаза, перекрестилъ ее, отстегнулъ цѣпочку, вынулъ часы и портфель изъ кармановъ и, положивъ все ей въ руки, сказалъ:

— Возьми это, спрячь гдѣ-нибудь. Боюсь какъ бы не выронить, добавилъ онъ, обращаясь къ женѣ, и поцѣловавъ ее еще разъ, онъ почти бѣгомъ спустился съ лѣстницы. На площадкѣ у послѣдней ступени былъ привязанъ къ рѣшеткѣ небольшой яликъ, на которомъ онъ пріѣхалъ. Дмитрій Федоровичъ вскочилъ въ него, Федя прыгнулъ за нимъ.

— Нѣтъ, братъ, шалишь! сказалъ полусерьезно Дмитрій Федоровичъ, выталкивая сына:— выльзай, выльзай, не задерживай!

— Мѣшать я вамъ право не буду, увѣрялъ Федя упираясь,— возьмите меня съ собой, пожалуйста; вѣдь я воды не боюсь и плавать умѣю.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставайся; вѣдь ты видишь что мѣста лишняго нѣтъ; что же толку если мы наберемся и сами займемъ весь яликъ? Ты долженъ остаться съ матерью. Мало ли что ей можетъ понадобиться? Я скоро вернусь. Идите, идите наверхъ, холодно. Ну, до свиданья. Будь благоразуменъ, прибавилъ онъ, похлопывая огорченнаго сына по плечу. — До свиданья! крикнулъ онъ, отталкиваясь весломъ.

Анна Францевна и не пыталась болѣе отговаривать мужа. Она хорошо и съ давнихъ поръ знала что добрый, кроткій, маленькій Дмитрій Федоровичъ никогда не отступалъ отъ разъ обдуманнаго и принятаго рѣшенія. Она стояла, облокотясь на перила, и хотя сказала себѣ: будь что будетъ, но въ душѣ своей еще не теряла надежды что все устроится какъ-нибудь и Дмитрій Федоровичъ не поѣдетъ. Катя, положивъ голову на плечо матери, тихонько плакала.

— Катя, прощай! крикнулъ Дмитрій Федоровичъ.

Дѣвочка приподняла голову, взглянула на отца, кивнула ему головой и хотѣла что-то сказать, но всхлипнула.

Дмитрій Федоровичъ, увидѣвъ ее заплаканное лицо, крикнулъ весело:

— Прощай, дѣвочка, Христосъ съ тобой; береги маму; смотри чтобы сестра не беспокоила ее.

И ласково кивая головой женѣ и дѣтямъ, онъ, упираясь объ лѣстницу весломъ, выѣхалъ на улицу.

Анна Францевна и дѣти постояли нѣсколько минутъ, молча смотря вслѣдъ исчезнувшей лодкѣ, потомъ поднялись въ третій этажъ, въ квартиру одного изъ сослуживцевъ Дмитрія Федоровича, Андрея Петровича Талызина, и жены его, Александры Романовны. Талызины, жившіе вдвоемъ, приняли ихъ радушно, выказали большое участіе и предложили оставаться съ ними до тѣхъ поръ пока все опять придетъ въ должный порядокъ.

Окна квартиры Талызиныхъ выходили тоже на Неву. Видъ изъ нихъ былъ поразительный. Вода разлилась и съ каждою минутой поднималась все выше и выше. Все пространство которое можно было объять глазомъ, представляло бушующее море. Дома стояли въ водѣ, и волны съ ревомъ бились о стѣны. Вѣтеръ вылъ и свистѣлъ.

Дѣти и Оеда не отходили отъ окна.

— Гдѣ-то папа теперь? сказала чуть слышно старшая дѣвочка, прижимая свою голову къ груди матери. — Какъ онъ, бѣдный, озябнетъ, не утонетъ бы еще! Господи, Господи, помоги ему!

— Я просилъ чтобъ онъ меня взялъ съ собой; не захотѣлъ! отвѣтилъ на эти слова Оеда. — Вотъ, вотъ, это что? Смотри, кто-то плыветъ! живо продолжалъ онъ.

Все стали всматриваться.

По волнамъ Адмиралтейской площади неслась будка. На крышѣ ея, судорожно дѣлаясь руками, едва держался человекъ въ военной формѣ, съ непокрытою головою. За будкой гвчалась лодка. Человекъ правившій веслами дѣлалъ невозможныя усилія чтобы нагнать будку; другой, стоя на готовѣ съ багромъ въ рукѣ, съ трудомъ удерживался на ногахъ. Будка неслась то погружаясь, то всплывая. Зрители съ замيرانіемъ сердца слѣдили за ней.

— Тамъ, тамъ, еще держитесь! слышались отрывистыя восклицанія. — Вотъ близко, сейчасъ багромъ достанемъ, ай!...

Палетѣвшая волна подхватила будку, окунула ее въ бездну, вскинула и понесла далѣе: человекъ на крышѣ уже не было.

Черезъ минуту на днѣ лодки лежалъ человекъ въ военной формѣ, и лодка направлялась къ дому гдѣ жили Солдены.

По волнамъ носились бревна, доски, какіе-то обломки. Лодки, безпрестанно появлявшіяся съ разныхъ сторонъ, подплавали то къ одному, то къ другому дому, сдавали свой живой багажъ и плыли далѣе. Кромѣ солдатики, въ домъ

гдѣ жили Солнцевы доставили полумертвую женщину, мужъ которой искалъ спасенія вмѣстѣ съ ней на заборѣ, но не удержался и въ виду подѣвжавшей лодки оборвался и утонулъ, а позднѣе привезли двухъ дѣтей, родители которыхъ не были найдены. Спасенныхъ всездѣ принимали, оттирали, отпаивали и отогревали, а вѣтеръ крѣпчалъ, свинцовыя облака опускались все ниже и ниже надъ городомъ, дождь хлесталъ безъ умолку въ окна, вода все подымалась.

— Что-то будетъ, что-то будетъ? говорили въ томасеніи взрослые, съ безпокойствомъ поглядывая другъ на друга, а дѣти съ любопытствомъ слѣдили за мельчайшими измѣненіями страшной, но величественной картины.

— Мама, посмотрите! крикнула младшая дочь матери, которая хлопотала доставая разные необходимыя для дѣтей вещи изъ беспорядочно наваленныхъ тюковъ и узловъ,—посмотрите, вода вотъ сейчасъ тутъ была, еще выступъ былъ виденъ, говорила она показывая рукой на одинъ изъ домовъ,—а теперь смотрите, ахъ! теперь ни чуточки не видать! вскрикнула она съ восторгомъ.—А куда мы пойдемъ когда она сюда доберется?

Анна Францевна подошла къ окну. Старшая дѣвочка, прижимаясь къ ней, хотѣла еще разъ повторить то что неотвязно мучило ее, и что она много разъ ужъ повторяла брату: „гдѣ-то папа, что съ нимъ, не утонулъ бы“, но поднявъ глаза и встрѣтившись глазами съ матерью, она молча еще крѣпче прижалась къ ней и закрыла свое лицо ея рукой.

Анна Францевна сначала старалась заглушить свое безпокойство физическимъ утомленіемъ. Она разбирала и приводила въ порядокъ сваленныя кое-какъ вещи, няньчилась съ маленькимъ сыномъ и старалась забыться, но безпокойство о мужѣ и предчувствіе чего-то страшнаго, неизбежнаго, ни на минуту не оставляло ее. Она, не отвѣтивъ ни на вопросъ младшей дочери, ни на ласку старшей, отошла отъ окна взяла у няни раскрывшагося маютку-сына и стала ходить съ нимъ взадъ и впередъ по комнатѣ, унимая и укачивая его. Накричавшійся мальчикъ сталъ уже успокаиваться и засыпать на ея рукахъ, въ полудремотѣ убаюкивая себя обиженнымъ, напаяканнымъ голоскомъ, какъ вдругъ маленькая дѣвочка, живо соскочивъ съ подоконника, захолодала въ ладоши и прыгая на одномъ мѣстѣ закричала: „уходить, уходить, ужъ стекла видѣются.“

Крошка, такъ неожиданно потревоженный, открылъ испуганные глазки и съ новою силою принялся кричать.

— Стыдно, Варя! такая большая дѣвочка и никогда не подумаешь о томъ что дѣлаешь. Сиди смирно и не забывай что мы не дома. Катя, смотри за сестрой, не позволяй ей шумѣть, сказала Анна Францевна съ легкою досадою въ голосъ.

Варя присмирѣла и, укоризненно посмотрѣвъ на мать, молча вернулась къ окну и вскарабкалась на подоконникъ. Неудовольствіе ея продолжалось однако не долго, и не прошло десяти минутъ какъ стали безпрестанно раздаваться ея восклицанія, сдерживаемыя еле слышнымъ шелотомъ старшей сестры.

Между тѣмъ, дѣйствительно, около двухъ часовъ вѣтеръ стихъ и вдругъ измѣнилъ направленіе. Въ исходѣ третьяго вода уже замѣтно убывала...

Анна Францевна все чаще и чаще подходила къ окну и пристально, подолгу всматривалась въ даль. Нигдѣ еще не было замѣтно никакого движенія, остатки воды медленно сбывали. Плававшіе по волнамъ обломки, дрова, щепки, доски и разные безформенные предметы теперь спокойно тянулись къ морю. Темно-сѣрыя облака пелася уже не такъ низко надъ городомъ; кое-гдѣ сквозь прорвавшееся облако видѣлся клочекъ сѣро-голубаго неба. Было холодно, сыро, мертво. Только дома, стоявшіе еще въ водѣ, повемногу оживали. Въ нихъ то тутъ, то тамъ закигались огоньки, спускались шторы; по шторамъ то и дѣло пробѣгали легкія, смѣнявшіяся тѣни...

Проходилъ часъ за часомъ. Безразсвѣтлый, сырой, холодный день смѣнялся темною, сырою, холодною ночью. Гостья, такъ неожиданно посѣтившая столицу, вернулась въ свое ложе съ богатою добычею. Много унесла ова человѣческихъ жизней, много уничтожила добра, многихъ людей оставила сиротамъ, многихъ изъ достаточныхъ обратила въ нищихъ и тысячамъ оставила по себѣ неизгладимую память.

Былъ уже седьмой часъ, а Дмитрій Федоровичъ не возвращался. Безпокойство Анны Францевны достигло крайней степени. Она, всегда сдержанная, осторожная, теперь не могла скрыть своихъ опасеній отъ дѣтей, и то молчалась съ отчаяніемъ, то, заслышавъ малѣйшій гдѣ-нибудь шумъ, выбѣгала на лѣстницу и прислушивалась къ нему съ сильно бьющимся

сердцемъ, то обманутая въ надеждѣ по нѣскольکو минутъ стояла у окна, прижавъ къ стеклу горячій лобъ.

— Это безжалостно, думала она.—Какъ только онъ вернется, я ему скажу прямо что онъ поступаетъ гадко. И какое право онъ имѣеть такъ поступать! У него своя семья, а онъ... уходитъ изъ дома въ такое время, оставляетъ насъ въ страхѣ, и для кого! для совершенно чужихъ, неизвѣстныхъ ему людей, для людей которые въ немъ вовсе и не нуждаются. Скольکو разъ и прежде онъ заставлялъ меня мучиться за себя—уѣдетъ на пожаръ и пропадетъ... Цѣлыми часами мѣста не найдешь, чего-чего только не передумаешь! Господи охрани! Господи помоги! вдругъ начинала она молиться,—Господи, буди милостивъ къ намъ. Еслибъ онъ только живъ остался!.. думала она опять.

Въ эту минуту ея напряженному слуху почудились знакомые шаги по тротуару, она притаила дыханіе и стала вслушиваться. Глаза ея силились проникнуть въ темноту, сердце громко билось. „Господи! Господи!“ повторяла она всѣмъ существомъ своимъ... Шаги остановились почти противъ окна у котораго она стояла. Черезъ минуту сверкнулъ огонекъ и погасъ, задутый вѣтромъ. Сердце у ней упало... „Не онъ это фонарщикъ... Господи!.. Если фонарь на этотъ разъ не погаснетъ,“ мелькнуло у ней въ умѣ, „онъ вернется, если же погаснетъ...“ она боялась додумать и ждала, ждала почти съ ужасомъ... Огонекъ вспыхнулъ ярко, затрелеталъ и потухъ... „Я это знала, знала еще утромъ, и зачѣмъ... зачѣмъ только не удержала его силой!“ думала она.

У другаго окна старшія дѣти шептались и горячо о чемъ-то спорили.

— Нѣтъ, еслибъ я была мальчикомъ, я бы не стала такъ разсуждать, я бы всюду пошла, я бы всѣхъ спрашивала, не видѣли ли его, говорила Катя съ горячностью.

— Ну, подумай только что ты говоришь, перебивалъ ее братъ съ укоризной,—всѣхъ бы спрашивала, но вѣдь эти всѣ сочли бы меня за сумашедшаго, а мама, еслибъ я ушла, кромѣ теперешаго безпокойства, стала бы еще безпокойтись за меня.

— Да вѣдь я не говорю тебѣ останавливать прохожихъ и спрашивать ихъ о папѣ, возражала обиженнымъ голосомъ Катя.—Я тебѣ говорю спрашивать всѣхъ кто можетъ что-нибудь знать, кто долженъ знать. Ну, пошла бы въ полицію,

пошла бы къ знакомымъ, которые живутъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ лапа вѣрно и была... Еслибы ты вправду любила лану, ты бы не стала говорить такъ какъ чужой какой-нибудь.

При этихъ словахъ дѣвочка сжала себѣ лобъ руками и глухо зарыдала.

— Боже, Господи! Катя, да что же мнѣ дѣлать? скажи, ну пожалуста скажи толкомъ, что бы ты сдѣлала! заговорилъ растерянно Оеда, разнимая судорожно сжатые руки сестры.— Ну, что мнѣ дѣлать, говори! Я ужъ думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать. Андрей Петровичъ тоже говорить: надо подождать...

Наступила ночь, тучи разсѣлились; на сѣромъ небѣ всплыла луна и освѣтила блѣднымъ свѣтомъ неприглядную картину: сырые, грязныя улицы и площади съ кучами нанесенныхъ водой досокъ и разныхъ обломковъ, ряды тусклыхъ фонарей и свѣтящіеся огнями дома. Въ домахъ царило непривычное оживленіе, а улицы были почти пусты. Изрѣдка слышался топотъ колыхъ о мостовую, проносился шумъ колесъ куда-то торопливо вѣхавшаго экипажа, затѣмъ все смолкало. У нѣкоторыхъ домовъ на минуту собиралась кучка народа, большею частью въ тулупахъ и высокихъ сапогахъ; похлопавъ, они медленно расходились. Въ нѣкоторыя группы замѣшивались и бабы. Въ нижнихъ и подвальныхъ этажахъ тамъ и сямъ появлялись какъ бы блуждавшіе огоньки. Огоньки эти проносились и исчезали. По всей вѣроятности, хозяева этихъ квартиръ, не вытерпѣвъ и не дождавшись утра, приходили по-смотреть что случилось съ ихъ имуществомъ...

Солнцева не спали всю ночь. Анна Францевна уже не падалась болѣе. Оеда рано обѣгала многихъ знакомыхъ; былъ въ части, сдѣлалъ заявленіе объ уѣхавшемъ и не вернувшемся отцѣ, спрашивалъ какъ приступить къ поискамъ, что дѣлать.

— Что дѣлать? подождать, говорили ему болѣе участливые.— Авось и вернется вашъ батюшка, а вѣтъ—ну тогда...

А что тогда, ни одинъ совѣтъ не доканчивалъ, по всей вѣроятности тоже не зная что тогда дѣлать. Другіе опять говорили: „гдѣ ужъ отыскать? Петербургъ великъ, какъ знать на какомъ мѣстѣ онъ затонулъ. Вѣдь вонъ тамъ-то и тамъ-то выставили утопленниковъ; если вѣтъ тамъ вашего, значить въ море унесло“...

Катя плакала и не отходила отъ матери. Варя, прикурнувъ

на диванѣ у ногъ маленькаго братишки, спала безмятежнымъ сномъ.

Нашлись добрые люди изъ друзей и товарищей Дмитрія Федоровича, которые, узнавъ о томъ что онъ уѣхалъ въ лодкѣ и не вернулся, не щадили себя. Они ѣздили во всѣ части города, вездѣ подавали заявленія, осматривали выставленные трупы утонувшихъ, и на второй день тѣло Дмитрія Федоровича было наконецъ найдено въ одномъ изъ деревянныхъ домиковъ на Петербургской сторонѣ. Имъ удалось также узнать и исторію его гибели.

— Какъ выступила вода, разказывали двѣ женщины-мѣщанки,—мы собрали кое-какой скарбъ и перебрались съ ребятами въ мезонинъ. Думали что туда водѣ не добратъся. Сидимъ. Только такъ часу во второмъ лочатай будетъ, стала вода чрезъ щели въ половицахъ похлестывать. Половицы ну трещать. Мы испужались. Мужинъ въ дсмѣ никого нѣту, что тутъ дѣлать! Мы давай кричать, а дѣти смотря на насъ и того лучше. Глядимъ, ѣдетъ лодка и мимо—подвымъ полна, другая—тоже. Думаемъ ужъ знать помирать пришлось, а тутъ плыветъ еще лодка и прямо на насъ. Мы давай кричать, въ окно стучать, махать платками. Лодка и подѣхала. Сидитъ въ ней, въ этой лодкѣ, одна бабенка платкомъ накрывшись и голосить таково жалобно, а баринъ такой худенькій, съ просѣдою, крестъ у него на шеѣ на красной ленточкѣ виситъ, въ теплой одѣжѣ, безъ шапки, волосы такъ по вѣтру и раздуваются, стоитъ и багромъ какъ зацѣпить за самое подоконце и стала лодка подъ нашимъ окномъ. Мы ему ребятъ напередъ подали, онъ ихъ бережно усадилъ, одѣло спросилъ, накрылъ ихъ; стали мы узлы тащить. „Нельзя, нельзя“, кричить, „что вы, тетка, съ ума съехали? бросьте это, затопете съ этимъ добромъ-то; помощи Гослоди васъ благополучно доставить“, говорить, и велѣлъ онъ намъ такъ сдаться. „Все тутъ останется“, говорить, „никто не тронетъ“, и поѣхали. А чрезъ три дома отъ насъ стоитъ домъ одной вдовы генеральши. Генеральша эта—старушка, проживала съ дочкой, молоденькой, лѣтъ девятнадцати, барышней, красавицей писаной; только она у нея не въ своемъ разумѣ была. Бдемъ мы, а у нихъ окна повыбиты и стоитъ сама-то генеральша у окна. Когда мы поравнялись съ ихъ домомъ она какъ высунется и закричитъ: „спасите! спасите!“ Куда тебѣ, и думать нечего, некуда посадить. Баринъ-то ужъ и безъ того изъ силъ

выбивается. Натерпѣлись же мы страха тогда пока онъ насъ до части везъ. Сдавъ онъ насъ и спрашиваетъ про тотъ домъ-то, кто въ немъ живетъ и сколько ихъ тамъ всѣхъ-то будетъ. Сказали мы ему все и про генеральшу, и про ея дочку. Поѣхавъ; барыню-то, генеральшу, принявъ, въ лодку посадилъ, самъ за дочкой подѣвъ, а тамъ ему и конецъ пришелъ. Нашли его, сердечнаго, на порогѣ у ея свѣтѣлки, лежитъ ничкомъ— не давалась она ему вѣрно, билась больно, и она тутъ же лежитъ вдѣлвшись въ притолку руками. Такъ и наши. Узнали мы отъ сосѣдей что баринъ который въ лодкѣ ѣздилъ утонъ у генеральши, побѣжали посмотрѣть, ахъ онъ самый, батюшка, за насъ сиротъ жизни лишившись. Царство ему небесное! Сходили мы въ церковь, свѣчку за упокой его душеньки поставили...

II.

Какъ ни была подготовлена Анна Францевна къ несчастію, ударъ все же пришелся ей не по силамъ. Она была ошеломлена и какъ бы потеряла сознаніе. На похоронахъ она шла безучастно за гробомъ, ничего не понимая, ни о чемъ не думая, не заботясь даже о дѣтяхъ. Крики Лёвы не пугали и не тревожили ее какъ прежде; она, казалось, даже и не слышала ихъ; она точно окаменѣла. Друзья и знакомые Дмитрія Федоровича, много лѣтъ звавшіе Анну Францевну, съ безпокойствомъ покачивали головами, говоря о ней, и съ жалостью смотрѣли на дѣтей. Всѣ знали что Дмитрій Федоровичъ, родившійся въ роскоши, состоянія отъ отца никакого не получалъ; что жалованья и денегъ которыя онъ зарабатывалъ литературнымъ трудомъ еле хватало на скромное, достаточное существованіе. Знали что онъ и Анна Францевна много трудились и что главною цѣлью ихъ жизни было воспитаніе и образованіе дѣтей. Чтѣ становится теперь съ бѣдными дѣтьми, думалось каждому изъ пріѣхавшихъ проводить Дмитрія Федоровича на кладбище, а собралось друзей, знакомыхъ и сослуживцевъ болѣе чѣмъ можно было ожидать. Много было искренняго участія, много и ненужной суеты, и пустыхъ словъ, и безучастной болтовни, какъ бываетъ большею частію при всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Много собралось и полужакомыхъ, и совсѣмъ чужихъ людей, пришедшихъ отъ нечего дѣлать поглазѣть на чужое горе.

Дѣти Солдцевыхъ.

— Которая она-то? которая? спрашивала, проталкиваясь и выльзая впередъ, какая-то кумушка, въ то время какъ процессія тронулась.—Эта? А-а-а! Какая еще красавица и совсѣмъ молодая. Еще замужъ выйдетъ, да! говорила она, смотря вовсе не въ ту сторону.

— А дѣтокъ-то сколько! говорила жалобнымъ голосомъ другая изъ кумушекъ, подымаясь на цыпочки и выглядывая изъ за высокой дородной сосѣдки.—Маль-мала-меньше, бѣдняжечки, сиротки!

— Эхъ жизнь-то наша, подумаешь, вчера былъ живъ и здоровъ, а нынче!...

— Бѣдная, бѣдная Анна Францевна! Такъ оставить ее нельзя, надо что-нибудь для нея сдѣлать, говорила съ оживленіемъ полная высокая брюнетка, переходя изъ одного ряда сѣдовавшихъ за дрогами мушницъ и дамъ въ другой, любезно подавая руку направо и налево и здороваясь со знакомыми.—Представьте, вѣдь они совсѣмъ нищими остались, Иванъ Ивановичъ говорилъ что даже пенсія онъ не выслужилъ.

— А что же можно для нея сдѣлать? вы что думаете? спросила ее пожилая дама съ немалымъ оживленіемъ и пошла рядомъ съ энергичною дамой.

— Надо хлопотать, подписку предложить; знаете пословицу: съ міра по ниткѣ, бѣдному рубашка.

— Но бѣдная-то эта врядъ ли приметъ такую помощь, сказалъ въ сторону, какъ бы ни къ кому не обращаясь, сѣденькій старичокъ, съ неодобреніемъ, искоса, посмотрѣвъ на говорившихъ.

— Надо чтобъ она приняла. Я сегодня же отправлюсь къ ней. Необходимо растолковать ей все. Необходимо чтобъ она поняла весь ужасъ своего положенія, горячилась почему-то брюнетка.

— Полно, да что жъ ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, возразилъ съ досадою мужъ суетливой барыни, подошедшій къ ней при послѣднихъ ея словахъ,—думаешь что она не понимаетъ своего положенія. Совѣтую тебѣ оставить ее въ покоѣ. Вѣрь что она лучше всѣхъ насъ, вмѣстѣ взятыхъ, чувствуетъ и понимаетъ его.

— Нѣтъ, это всегдашняя его манера, перебила барыня, обращаясь къ своимъ слушательницамъ,—стоитъ мнѣ сказать что-нибудь самое простое, самое естественное, чтобъ онъ напелъ...

Барыня оставилась еще слова:—quelque chose à redire, окончила она, съ неудовольствіемъ отвернувшись отъ мужа.

— И не думаю тебѣ противорѣчить, но всегда удивляюсь страсти твоей вмѣшиваться въ чужія дѣла и извини, если опять таки скажу, вмѣшиваться такъ неумѣло, такъ неделекатно...

Она отошла въ сторону.

— Чтò бѣ она ни говорила, я пойду къ ней. Я знаю какъ дорого участіе въ такіа минуты...

— Милѣйшій былъ человекъ! Труженникъ и доброты необычайной!

Такие и подобные разговоры слышались во все время слѣдованія процессіи.

Погода была ясная, тихая, при легкомъ морозцѣ, безъ снѣга, и бóльшая часть собравшихся знакомыхъ провожали Дмитрія Федоровича, слѣдуя пѣшкомъ за дрогами до самаго кладбища Троицкой Александро-Невской лавры.

Остатки Дмитрія Федоровича въ землю, и вернулась Анна Францевна съ разбитою душой и осиротѣвшими дѣтьми въ тотъ домъ гдѣ она прожила почти девятнадцать счастливыхъ лѣтъ.

Проходя мимо своей квартиры, двери которой были настежь отперты, Анна Францевна машинально вошла въ нее. Первая комната была пуста, пахло чѣмъ-то затхлымъ и извѣсткой. Какой-то мужикъ въ испачканномъ рабочемъ платьѣ, съ подвязанными ремешкомъ сбившимися грязными волосами, сидѣлъ на корточкахъ предъ печкой и обдиравъ кору съ лежавшихъ на полу березовыхъ полѣньевъ; другой мужикъ сбивалъ посреди комнаты вывороченныя водой половицы. На полу стояло ведро съ водой, валялись стружки, стоялъ ящикъ съ известью. Вездѣ грязь и холодъ... Анна Францевна и дѣти остановились. Громкій стукъ молотка, раздававшійся въ большой пустой комнатѣ, ясно наломилъ имъ глухой, тяжелый, отдавшійся въ самое сердце стукъ только-что слышавшаго имени. Варя схватила мать за руку и громко заплакала; раслушавъ отъ слезъ лицо Кати побѣдило какъ мѣлъ. Одея, обнявъ мать за талию дрожавшею отъ волненія рукой и прижавъ свои холодныя губы къ ея щекѣ, молча вывелъ ее изъ квартиры. Анна Францевна даже и не спросила: почему въ ея квартирѣ чужіе люди, куда дѣлась ея мебель; не поинтересовалась ничѣмъ, сняла салотъ и шалду, легла и не вставала до вечера.

Талызины устроили дѣтей какъ могли удобнѣе, позаботились, чтобъ имъ было и тепло, и уютно, и сытно. Андрей Петровичъ лорылся въ своей небольшой библиотекѣ, отобралъ нѣсколько книгъ съ политплажами, принесъ ихъ въ импровизованную дѣтскую и отдавалъ Катѣ сказала: „Это я отдаю на ваше поличеніе, Катенька; вѣдь вы разумница и знаете что книги надо беречь. Смотрите чтобъ эта егза,—при этихъ словахъ онъ поймалъ Варю и поцѣловалъ ее,—не вздумала вырывать картинки и развѣшивать ихъ на стѣну.

Александра Семеновна нѣсколько разъ входила въ комнату Анны Францевны. Ей хотѣлось поговорить съ ней, утѣшить ее, отвлечь ея мысли отъ послѣднихъ событій, но видя что та лежитъ съ закрытыми глазами, она не слышно, на цыпочкахъ уходила. Къ обѣду Анна Францевна тоже не встала, и Александра Семеновна, взглянувъ на нее издали, сказала мужу:

— Спать и слава Богу; это самое лучшее. Пусть уснетъ хорошенько, а мы сядемъ обѣдать, и я распорядусь чтобы для нея обѣдъ былъ горячій когда бъ она не проснулась.

Талызины, которыхъ судьба такъ неожиданно назначила быть покровителями и опекунами осиротѣлой семьи Дмитрія Федоровича, были очень добрые, сердечные люди. Обвѣнчались они слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ совѣмъ молодыми. Александръ Семеновнѣ было шестнадцать лѣтъ, Андрею Петровичу двадцать три. Обвѣнчались они по склонности и жили очень счастливо. Они страстно любили дѣтей, но четверо родившихся у нихъ умерли всѣ не достигнувъ года. Потери эти стоили имъ много слезъ и отчаянія, и каждая потеря ребенка казалось еще болѣе скрѣпяла родителей обреченныхъ на одинокую жизнь. Уже болѣе тридцати лѣтъ жили супруги только другъ для друга и привыкли къ невозмутимой тишинѣ, спокойствію и идеальному порядку. Въ ихъ уютной, просторной квартирѣ каждая вещичка знала свое мѣсто, и у нихъ, даже на лари, нельзя было найти пылинки. Порядокъ у нихъ былъ во всемъ. Они вставали, ложились, ѣли, выѣзжали въ строго опредѣленные часы,—и вдругъ съ 7 ноября все спуталось. Шумъ, разбросанный на диванахъ и стульяхъ подушки, узелки, свертки, пеленки, поставленные на столахъ и окнахъ тарелки, грѣлки, лампадки, разрозненные башмачки, неумолкаемый крикъ ребенка, недовольнаго нарушеніемъ порядка къ которому онъ привыкъ, все это могло подѣйствовать на нервы и менѣе избалованныхъ людей.

Въ тотъ день когда всё были въ возбужденномъ состоянн и не знали чѣмъ окончится катастрофа, все казалось возможнымъ, терпимымъ. Никто не обращалъ вниманія на мелочи. На второй день жалость къ Аннѣ Францевнѣ, безпокойство о судьбѣ Дмитрія Федоровича, котораго Талызины искренно любили, заглушили всякую заботу о порядкѣ въ домѣ и даже о спокойствіи. Но когда проходили день за днемъ, а безпорядокъ и безпокойство въ домѣ все росли, и приходилось съ утра до вечера заботиться то объ Аннѣ Францевнѣ, то о дѣтяхъ, то о большихъ, то о маленькихъ, Александра Семеновна совсѣмъ съ ногъ сбилась и разъ, потерявъ терпѣніе, она, уходя послѣ обѣда отдохнуть, сказала съ досадою мужу:

— Когда же наконецъ они переберутся къ себѣ? Пора бы, я думаю, и честь звать.

Андрей Петровичъ посмотрѣлъ на жену и не произнесъ ни слова.

Не успѣла Александра Семеновна задремать, какъ Андрей Петровичъ, отворивъ осторожно дверь, вошелъ въ ея комнату.

— Саша, тебя Катенька проситъ. Бѣдная дѣвочка очень встревожена. Аннѣ Францевнѣ хуже.

— Ахъ, Боже мой! произнесла съ нетерпѣніемъ Александра Семеновна и осталась лежать.

Андрей Петровичъ подошелъ къ женѣ торопливымъ, дробнымъ шагомъ. Она повернула къ нему свое круглое, свѣжее лицо и съ досадою проговорила:

— Вотъ, не было печали!... Я право не знаю что мы будемъ съ вами дѣлать. У меня голова кругомъ пошла отъ этого хаоса. Недостаетъ еще чтобъ она заболѣла!

— Саша, Саша! произнесъ заискивающимъ голосомъ и слегка укоризненнымъ тономъ Андрей Петровичъ.

Онъ присѣлъ на край постели, возлѣ жены, взялъ ея лухдую руку въ свою и пожимая ее сказалъ:

— Кого же винить, родная моя, въ томъ что это такъ случилось? Вѣдь не ихъ же. Согласись что они, бѣдные, не виноваты. А каково имъ телерь! Что еслибы, сохрани Богъ,—отъ слова ничего не сдѣлается, проговорилъ онъ всторону,—если бы, сохрани Богъ, мы были на ихъ мѣстѣ, а они на нашемъ.

— Что ты, Богъ съ тобой! леребила его Александра Семеновна.—Что за предположенія.

И она съ усиліемъ поднялась своимъ грузнымъ тѣломъ и сѣла.

— Вѣдь ни Дмитрій Федоровичъ, эта добрая душа, ни Анна Францевна не выгнали бы тебя, я увѣренъ. Да и разсуди сама, куда они пойдутъ. Я былъ въ ихъ квартирѣ, ей и въ мѣсяцъ не просохнуть, куда! И чугулки поставлены, и трубы протянуты, и топятъ съ утра до ночи, и фортокъ и трубъ не затворяютъ, а квартира—подвалъ-подваломъ. Да и мебель никуда не годится. Смотрѣть жалость. Надо же имъ было на грѣхъ взгромоздить все что получше и подороже на кровати въ спальнѣ. И еще какъ старались! Отъ воды-то сласла, правда, такъ высоко она не подавалась у нихъ; за то печь,—знаешь ихъ огромную голландскую, кафельную печь,—ее подмыло и она рухнула какъ разъ на нагроможденную мебель и бѣольшую часть вещей въ конецъ изуродовала. Ну, какъ ты думаешь, куда они пойдутъ? повторилъ Андрей Петровичъ, глядя на жену.

— Я и не гою ихъ, но не могу же я такъ жить. Вездѣ пашвырено, набросано, цѣлый день снуютъ взадъ и впередъ, то маленькому пить надо, то его кашкой кормить, то Аннѣ Францевнѣ воды подогрѣть, то льду наколоть, говорила разгорячаясь Александра Семеновна.—Люди терпѣвые потеряли...

— Люди, Саша? ну и Богъ съ нами, а мы-то ужъ стараемся не потерять его, сказалъ Андрей Петровичъ, нагнувшись и цѣлуя руку жены.

Александра Семеновна ничего не отвѣтила, и высвободивъ свою руку изъ руки мужа, вынула черепашковую гребенку, которая придерживала ее прическу на вискѣ, распустила еще довольно густые, съ сильною просѣдью волосы, не торопясь расчесала ихъ, накрутила распущенную прядку на указательные пальцы, расправила и положивъ въ видѣ небольшой оладьи на високъ, воткнула гребеночку и собиралась произвести такую же операцію съ прической на другомъ вискѣ, какъ въ комнатѣ посышались неровные, слѣшные шаги и робкій, безпокойный голосъ Кати.

— Александра Семеновна, простите что я васъ безпокою, но мама говоритъ... говоритъ такъ странно и встаетъ съ постели. Придите пожалуйста!... проговорила дѣвочка очень скоро и выбѣжала изъ комнаты.

Александра Семеновна встала и такъ послѣшно какъ только позволяла ей полнота пошла въ гостиную гдѣ теперь помѣщалась Анна Францевна...

Въ ночь у Анны Францевны сдѣлался сильный жаръ и бредъ. Обнаружилась тифозная горячка. Александра Семеновна забыла и свою досаду, и безпорядокъ водворившійся въ домѣ, и ухаживала за ней какъ за родною. Старшая дѣвочка не отходила отъ матери ни днемъ, ни ночью. Она мѣняла ей компрессы, дѣлала горчичники, давала съ педантичною аккуратностью лѣкарства и заботилась о ней какъ взрослая, опытная сидѣлка.

Болѣзнь Анны Францевны была упорна и продолжительна, выздоровленіе медленно и неутѣшительно. Она встала, но духовныя ея силы не вернулись. Для нея прошлаго не было, а въ настоящемъ она не принимала никакого участія.

Во время ея болѣзни умеръ Федя, проболѣвъ всего четыре дня. Оттого ли что ему пришлось проводить всѣ дни въ разборкѣ вещей и приведеніи въ порядокъ книгъ и бумагъ отца въ отсырѣвшей квартирѣ, на сквозномъ вѣтрѣ, вслѣдствіе ли сильнаго потрясенія, или отъ обѣихъ причинъ вмѣстѣ, но черезъ четыре дня для него все было кончено. Талызины долго не рѣшались сообщить Аннѣ Францевнѣ о новомъ ея несчастіи, но когда какъ-то случайно Варя при ней проговорила о кончинѣ брата въ ея присутствіи, она выслушала ее съ полнымъ равнодушіемъ и потомъ ни разу не спросила о немъ. Во время болѣзни Анны Францевны, Талызины такъ привязались къ ней и къ дѣтямъ что не было болѣе и рѣчи о близкомъ разставаньи.

Андрей Петровичъ между тѣмъ хлопоталъ по начальству. Онъ постарался поставить на видъ заслуги двадцатичетырелѣтней службы покойнаго; напомнилъ о его литературныхъ трудахъ, о христіанскомъ подвигѣ который былъ причиною его смерти, и описалъ такими правдивыми, живыми красками безвыходное положеніе оставленнаго Дмитріемъ Федоровичемъ семейства что главный его начальникъ обѣщалъ занять судьбой бѣдныхъ сиротъ, и въ концѣ февраля обѣ дѣвочки были приняты въ институтъ на казенный счетъ, а Анна Францевна получила небольшую пожизненную пенсію.

III.

Въ одинъ изъ мартовскихъ ясныхъ дней, къ подъѣзду большаго каменнаго зданія подъѣхала карета. Отставной солдатъ, усердно обметавшій ступеньки лѣстницы, слы-

шавъ издали шумъ колесъ, поднялъ голову и увидѣвъ что экипажъ направляется къ подъѣзду, послѣшво прислонилъ етлу въ уголь и, подбѣжавъ, отворилъ дверь. Изъ кареты вышла Александра Семеновна, за ней двѣ дѣвочки въ черныхъ шубкахъ и шалочкахъ.

— Вынеси, любезный, шкатулочки, обратилась Александра Семеновна къ солдату, показавъ на карету, и стала подниматься вверхъ по лѣстницѣ. Дѣти слѣдовали за ней.

Солдатъ живо вынулъ изъ кареты двѣ небольшія, совершенно одинаковыя шкатулки краснаго дерева, захлопнулъ дверку и суетливо побѣжалъ впередъ, отворилъ первую дверь далъ прѣхавшимъ пройти, кинулся было отворять вторую, стеклянную дверь, какъ она отворилась рукою важнаго, пожилаго швейцара, съ длинными сѣдыми бакенбардами, въ красной ливреѣ. Швейцаръ окинулъ прѣхавшихъ быстрымъ взглядомъ и со спокойнымъ достоинствомъ, не торопясь, привялъ одною рукою съ плечъ Александры Семеновны салопъ и передалъ ее суетливому солдату, своему подручному, ткнувъ пальцемъ вдаль, прибавивъ:—туда повѣсь.

— Дома начальница? Могу я ее видѣть? спросила Александра Семеновна.

— Пожалуйте, отвѣчалъ коротко швейцаръ и не оборачиваясь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Доложите, Александра Семеновна Талызина.

— Пожалуйте въ прѣмную, повторилъ швейцаръ внушительно.—Онѣ скоро выйдутъ.

Александра Семеновна помогла дѣтямъ снать шубки, оправила ихъ черными платица и бѣлые воротнички, заботливо расправила черную ленту вплетенную въ длинную, густую косу Кати, перевила два-три локона Вари, оглядѣла дѣтей съ головы до ногъ и, пропуская ихъ впередъ, сказала, нагибаясь къ Варѣ:—будь же умница, какъ обѣщала мамѣ, сдѣлай хорошенькій реверансъ, ничему не удивляйся и не болтай.

Варя поймала руку сестры и крѣпко держась за нее пошла рядомъ съ ней.

Швейцаръ въ полоборота посмотрѣлъ на прѣзжихъ, и вида что онѣ готовы, молча пошелъ впередъ. Шаги его громко раздавались по каменнымъ плитамъ площадки. Подойдя къ высокой двери направо, онъ взялся за блестящую чистотой мѣдную ручку и, обернувшись еще разъ чтобъ убѣдиться что Александра Семеновна и дѣти слѣдуютъ за нимъ, медленно

отворилъ дверь и повторивъ: „онѣ сейчасъ выдутъ, извольте подождать,“ вышелъ, такъ же медленно затворивъ ее.

Александра Семеновна осмотрѣлась. Длинная, узкая комната съ однимъ венеціанскимъ окномъ, большой столъ накрытый сукномъ, диванъ обитый гладкою, темною матеріей, нѣсколько мягкихъ стульевъ съ прямыми высокими спинками вокругъ стола въ ближайшей къ окну половинѣ комнаты и рядъ рѣдко разставленныхъ по стѣнамъ соломенныхъ стульевъ въ другой. Въ комнатѣ никого не было, противъ задней двери была настежь отперта дверь въ другую комнату. Александра Семеновна, сдѣлавъ дѣтямъ знакъ чтобъ они слѣдовали за нею, пошла впередъ и вошла въ высокую, длинную, свѣтлую комнату, казавшуюся почти пустою. По одной стѣнѣ ея тянулся длинный рядъ высокихъ шкафовъ ясеняго дерева, по другой стояли двѣ-три длинныя ясеневыя скамейки со спинками и нѣсколько соломенныхъ стульевъ. Между двухъ оконъ, въ широкомъ простѣвкѣ, стоялъ столъ. Двѣ молоденія дѣвочки сидѣвшія за этимъ столомъ казались углубленными въ свою работу. Онѣ, какъ показалось Александру Семенову, даже не подвигали глазъ и не любопытствовали взглянуть на вошедшихъ.

Александра Семеновна пошла прямо къ столу, за которымъ работали дѣвушки. Когда она была уже въ двухъ шагахъ отъ него, одна изъ нихъ подавала глаза, послѣшю приподнялась со стула, присѣла и, не дожидаясь вопроса Александры Семеновны, сказала: „Не угодно ли вамъ пройти въ приемную, тамъ онъ выйдетъ...“ она кинула взглядъ на циферблатъ часовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ, противъ стола, „черезъ пять минутъ“.

— И бы просила васъ передать начальницѣ вотъ это письмо, оно отъ графа.

Александра Семеновна подала дѣвушкѣ запечатанный конвертъ.

Та взяла его, захопнула тетрадь, въ которую повидимому что-то вписывала, и пройдя легкою постулюю черезъ всю комнату, скрылась за дверью.

Минутъ черезъ пять она вернулась и просила Александру Семеновну слѣдовать за нею. Дѣти остались одни въ приемной. Они начали внимательно разсматривать каждый предметъ въ комнатѣ, сосчитали сколько квадратиковъ вдоль и поперекъ въ паркетѣ, сколько стеколъ въ рамѣ, и соскучившись ждать, стали чрезъ дверь наблюдать за дѣвушкой

работавшею у стола въ большой комнатѣ. Ея сѣрое платье, бѣлый передникъ, узкіе бѣлые рукава, пелеринка завязанная у горла кокетливымъ бантикомъ, ея прическа и каждое ея движеніе занимали и развлекали дѣвочекъ и вызывали со стороны ихъ замѣчанія, которыя онѣ передавали другъ другу шепотомъ.

Прошло болѣе получаса; гдѣ-то вдали стали бить часы другіе поближе подхватили. Къ нимъ пристали и третьи, висѣвшіе на стѣнѣ въ большой, почти пустой комнатѣ. Удары странно перебивали другъ друга, и послѣдніе не услѣли еще добить какъ раздался громкій, рѣзкій, продолжительный звонъ. Дѣти взглянули другъ на друга въ недоумѣніи.

— Пойдемте къ маман! раздался за ними молодой громкій голосъ.

Онѣ быстро обернулись. За ними стояла хорошенькая, лѣтъ пятнадцать блондинка съ ласковыми сѣрыми глазами и привѣтливою улыбкой на губахъ.

— Какъ васъ зовутъ? продолжала она, взявъ одною рукой Катю за руку, другою обвивъ шею Вари, — то-есть какъ ваша фамилія? пояснила она и пошла съ ними къ комнатѣ начальницы.

Катя сказала свое имя и фамилію.

— Вы по отцѣ въ траурѣ? спросила дѣвушка, понижая голосъ и смотря добрымъ, ласковымъ взглядомъ то на одну то на другую изъ дѣвочекъ.

По лицу Катя пробѣжала тѣнь, Варя опустила глаза и покраснѣла. Ни та, ни другая не отвѣтили.

— Я тоже сирота, сказала дѣвушка, — „круглая“, добавила она и при этомъ нагнулась и поцѣловала Катю. — Меня зовутъ Таня Краснопольская.

Дѣвочки прошли приемную, затѣмъ очень большую комнату, войдя въ которую Таня Краснопольская пропустила дѣвочекъ впередъ и положила имъ на плечи свои руки направив ихъ къ полуоткрытой двери и сказала шепотомъ, нагнувшись между ними: — Какъ войдете, сдѣлайте общій реверансъ, а у маман поцѣлуйте ручку.

— Какой маман? спросила живо и почти громко Варя, повернувъ къ ней свое удивленное лицо.

Таня крѣпко нажалъ рукой ея плечо и чуть слышно прошепталъ у самого ея уха: „тише!“ — отворила дверь.

Дѣвочки переступили порогъ и очутились въ большой гостиной. Въ первую минуту онѣ растерялись и ничего не видѣли. Переходъ изъ большихъ, почти пустыхъ, задитыхъ яркимъ, полуденнымъ, весеннимъ свѣтомъ комнату въ гостиную, со спущенными шторами и драпировками, которыя пропускали только нѣжный розовато-желтый свѣтъ, освѣщавшій множество прихотливо разставленныхъ диванчиковъ, креселъ, козѣвъ, столиковъ, стеклянныхъ ширмъ, этажерокъ и цвѣтовъ,—смутило ихъ и онѣ сконфуженно остановились.

— *Approchez!* услышала онѣ изъ середины комнаты мягкой, приятный голосъ и въ то же время увидѣли поднимающую съ кресла высокую, полную женскую фигуру.—*Vite, vite, mes petites!* добавила она, сдѣлавъ два-три шага имъ на встрѣчу.

Катя сдѣлала на удачу реверансъ, Варя испуганно схватила ее за руку.

Высокая дама, замѣтивъ что дѣти совсѣмъ растерялись, подошла къ нимъ, взяла обѣихъ за руки и подводя къ сидѣвшей въ креслѣ пожилой дамѣ, ласково шепнула имъ: „подойдите къ ручкѣ“.

Катя сдѣлала еще разъ реверансъ, сильно покраснѣла и не знала что надо сдѣлать, какъ подойти къ ручкѣ. Взять ее руку въ свою руку и поцѣловать, или просто нагнуться и поцѣловать, думала она, крѣпко прижимая локти къ туловищу, сжимая зубы и краснѣя съ каждою секундой все болѣе и болѣе.

Варя окинула всѣхъ сидѣвшихъ дамъ бѣглымъ взглядомъ и громко втянувъ открытымъ ртомъ воздухъ, рѣшительно подошла къ креслу и, обхвативъ обѣими руками шею сидѣвшей въ креслѣ дамы, поцѣловала ее въ лицо.

Такой выходки никто не ожидалъ. Александра Семеновна которую дѣти и не видѣли отъ смущенія, даже вскрикнула „Варя!“ а двѣ дамы въ синихъ платьяхъ, сидѣвшія напротивъ пожилой дамы, на минуту обомлѣли; но пожилая дама громко засмѣялась и взявъ раскраснѣвшееся лицо дѣвочки въ свои руки, посмотрѣла ей въ блестящіе каріе глаза и, нѣжно потрелявъ ее по щекѣ, спросила.

— Тебѣ сколько лѣтъ?

— Семь было недавно, отвѣтила Варя, опять громко втянувъ въ себя воздухъ, какъ бы вздохнувъ.

— *Quelle belle enfant! et quel.* . . сказала пожилая дама, но тотчасъ остановилась, замѣтивъ что дѣвочка оглянулась на сестру съ самодовольнымъ видомъ.

— Ты понимаешь по-французски? спросила она ее.

— Да, мы прежде, при лалѣ, всегда говорили по-французски.

Пожилая дама опять ласково потрепала ее по щекѣ и стала разспрашивать Катю о томъ чему она училась, кто ее училъ и какимъ предметомъ она охотѣе всего занималась.

Разумные отвѣты дѣвочки видимо понравились пожилой дамѣ. Она подозвала ее къ себѣ ближе, и всматриваясь въ ея умные глаза и любуясь ея смущеніемъ, продолжала нѣсколько минутъ разспрашивать ее объ ея отцѣ и матери. Потомъ, обратившись къ высокой, полной дамѣ, вставшей навстрѣчу къ дѣтямъ, она сказала ей по-нѣмецки:

— Теперь вы сведете ихъ къ Мше Фронъ, потомъ въ классъ, а затѣмъ ужъ мы рѣшимъ дальнѣйшее.

Высокая, полная дама была инспектриса, Мше Адлеръ. Она подозвала дѣтей къ себѣ, и напомнивъ имъ въ полголоса что они должны сдѣлать общій поклонъ, повела ихъ чрезъ цѣлый рядъ огромныхъ, свѣтлыхъ комнатъ. Дѣти вышли, не простясь съ Александрой Семеновной, которой посоветовали лучше не видѣть дѣвочекъ болѣе въ этотъ день чтобъ избавить ихъ отъ лишнихъ слезъ и неизбежнаго волненія при разставаніи и предложили ей пріѣхать навѣстить ихъ дня черезъ два.

Дѣти съ любопытствомъ оглядывали комнаты по которымъ проходили; однѣ были почти пусты, другія уставлены люлитрами и скамейками. Въ послѣдней, куда они пришли, было множество складныхъ деревянныхъ некрашенныхъ яледей, со тщательно закрытыми вляленными въ нихъ работами. Пройдя эту комнату, инспектриса остановилась, вынула изъ кармана ключъ, отворила дверь и ввела дѣтей въ большую комнату, стѣны которой были окрашены свѣтло-зеленою краской. По стѣнѣ стояли довольно широко разставленныя другъ отъ друга желѣзные кровати, накрытыя бѣлыми байковыми одеялами, съ красною каймой на концахъ. На каждой постели лежало по одной подушкѣ. Между кроватями стояли невысокіе, широкіе, ясеневаго дерева шкапчики. На стѣнѣ надъ каждою кроватью висѣла доска съ написанными на ней бѣлою масляною краской нѣсколькими латинскими буквами въ началѣ каждой изъ четырехъ намѣченныхъ точекъ строкъ.

Всѣ кровати были лусты, чисто прибраны. На одной только лежала дѣвочка въ коричневомъ платьѣ, бѣлой пелеринкѣ и рукавчикахъ.

Инспектриса остановилась на минуту предъ занятою постелью; пристально всмотрѣлась въ пылавшее жаромъ лицо спавшей дѣвочки и пошла въ слѣдующую комнату, гдѣ, какъ и въ первой, стоялъ рядъ желѣзныхъ кроватей, но здѣсь подлѣ каждой кровати чинно стояли въ перемежку взрослые дѣвушки и маленькія дѣвочки въ бѣлыхъ канифасовыхъ халатахъ. Онѣ вѣроятно какимъ-нибудь образомъ узнали о приходѣ инспектрисы и выстроились чтобы встрѣтить ее.

Когда инспектриса вошла, дѣвушки какъ одна присѣли и поднялись въ одно время. Она стала расспрашивать ихъ объ ихъ здоровьѣ, о томъ какія дѣкарства онѣ принимаютъ и на какой онѣ порціи, и не успѣла обойти половины кроватей, какъ въ комнату вошла торопясь и залыхавшись маленькая, кругленькая, толстенькая, краснощекая, рыжеволосая, не молодая женщина въ синемъ кашемировомъ платьѣ и тюлевомъ чепцѣ, съ палевыми газовыми лентами, Мше Фронъ, лазаретная дама. Она почтительно поклонилась и подала инспектрисѣ дневной списокъ о состояніи лазарета. Инспектриса спросила, видѣлъ ли докторъ Княжину, и узнавъ что ее привели уже послѣ визита доктора, она съ безпокойствомъ спросила:

— Какъ же вы ее оставите въ такомъ положеніи?

И повернувшись, она пошла назадъ, пригласивъ Мше Фронъ слѣдовать за собою.

Катя и Варя остались одиѣ среди чужихъ. Онѣ инстинктивно, не глядя другъ на друга, взялись крѣпко за руки и тревожно слѣдили за удалявшеюся инспектрисой. Не успѣла она скрыться за дверью, какъ всѣ чинно стоявшія у своихъ кроватей бѣленькія дѣвочки обступили новенькихъ и съ любопытствомъ, наперерывъ, стали предлагать имъ вопросъ за вопросомъ: „Какъ ваша фамилія?“ спрашивали онѣ въ полголоса, „какъ васъ зовутъ? Вы отчего въ черномъ? Почему поступаете теперь, а не въ августѣ? Сколько вамъ лѣтъ? Въ какой классъ? Къ какой дамѣ?“

Дѣти не успѣвали отвѣчать. На многіе вопросы, впрочемъ, онѣ и не могли бы отвѣтить, такъ какъ не понимали ихъ.

Катя только открыла ротъ чтобъ отвѣтить одной изъ любопытныхъ какъ вдругъ, въ одинъ мигъ, всѣ какъ волной

отхлынули отъ нихъ и стали попережнему вытянувшись въ струнку и глядя въ одну точку. Точкой этою была инспектриса.

Мме Адлеръ шла плавною походкой, всматриваясь въ лица стоявшихъ у кроватей дѣтей; подойдя къ Варѣ, она взяла ее за руку и сказавъ Катѣ: „Allons ma chèrre“, пошла впередъ. Мме Фронъ послѣдовала за ними. Онѣ прошли еще большую, тоже зеленую, съ рядомъ кроватей комнату со спущенными темными шторами, въ которой иныя постели были аккуратно прибраны, на нѣкоторыхъ же лежали какія-то фигуры не обратившія на вошедшихъ никакого вниманія; прошли мимо запертой двери и остановились въ небольшой, сравнительно, комнатѣ, уставленной по тремъ стѣнамъ высокими шкапами со стеклянными дверками, сквозь стекла которыхъ видѣлись самые разнообразныя предметы. Въ одномъ шкафѣ лежало столками бѣлье, въ другомъ стояла разнообразная посуда, какіе-то инструменты, стаканы, банки, коробочки. Въ широкомъ простѣвкѣ между оконъ стоялъ диванъ обитый коричневымъ сафьяномъ. Предъ нимъ круглый столъ, накрытый темнымъ клеенчатымъ чехломъ. На столѣ лежали очки безъ футляра, доскутки холста, корпія длинными прядками, пордочная горка кое-какъ нащипанной корпіи и стояли на подносѣ съ высокимъ бортомъ стаканы разной величины съ привязанными къ нимъ сигнатурками.

Войдя въ комнату, Мме Фронъ засуетилась, хотѣла собирать набросанныя на столѣ вещи, но Мме Адлеръ просила ее не безпокоиться, оставить все такъ какъ было и заняться дѣтьми. Мме Фронъ, продолжая объяснять что-то инспектрисѣ, подошла къ Катѣ и, повернувъ ее къ себѣ спиной, начала растегивать крючки ея лифа. Катя сконфузилась, не понимая для чего понадобилось этой дамѣ раздѣвать ее и безпомощно смотрѣла на инспектрису, надѣясь отъ нея объясненіе; но та, занятая разсматриваніемъ стоявшихъ на подносѣ стклянокъ, нѣсколько минутъ не поднимала головы. Мме Фронъ раздѣла дѣвочку и, звонко хлопнувъ по ея лопаткамъ своею мягкой, теплою рукой, сказала съ удовольствіемъ: „Золотую медаль можно дать; хотя слабенькая“, и стала живо одѣвать ее. Варю Мме Фронъ отпустила еще скорѣе, сдѣлавъ заключеніе: „А эта шалунья—желѣзная“.

Мме Адлеръ посмотрѣла на часы и скорыми шагами повела дѣтей обратно по только-что пройденнымъ комнатамъ. Дѣти старались не отставать отъ нея. Дѣвочки въ бѣлыхъ

халатикахъ попережнему выстроились въ линію, попережнему присѣли низко, медленно и граціозно и провожали ее глазами до двери слѣдующей комнаты. На этотъ разъ инспектриса не остановилась съ ними, а Катѣ и Варѣ показалось что она еще скорѣе пошла, такъ что онѣ почти бѣжали за нею. Изъ комнаты уставленной пальцами Мше Адлеръ повернула направо и вошла въ широкій, длинный корридоръ.

Тутъ слышались нестройные звуки нѣсколькихъ фортепіанъ: на одномъ бойко игралась какая-то піеса; на другомъ повторялась одна и та же гамма заканчивавшаяся каждый разъ аккордами отрывисто, наскоро взятыми; на третьемъ не твердые маленькіе пальцы усердно, и не поладая въ одно время обѣими руками, выводили *do mi, re fa, mi sol, sol mi...*

Пройдя нѣсколько запертыхъ дверей, Мше Адлеръ вошла въ комнату съ нѣсколькими шкапами наполненными книгами. По срединѣ комнаты стоялъ столъ заваленный книгами и переплетенными тетрадями, открытыми и закрытыми. На одномъ концѣ стола лежала бумага, очиненныя гусинья перья старыя и новыя и стояли круглыя жестяныя чернильницы.

— Сядь вотъ здѣсь, сказала Мше Адлеръ Катѣ, указывая ей на конецъ стола.

Катя, краснѣя и конфузаясь, отодвинула стулъ и сѣла. Мше Адлеръ положила передъ нею чистую тетрадь сѣрой бумаги и вышла. Черезъ минуту въ комнату вошли двѣ дамы и вслѣдъ за ними вернулась Мше Адлеръ. Катю заставили читать по-русски, по-французски и по-нѣмецки, дѣлать переводъ и разборъ, продиктовали по нѣскольку строкъ на каждомъ языкѣ, задали нѣсколько ариѳметическихъ задачъ письменныхъ и устныхъ. Заставили прочесть нѣсколько молитвъ, спросили что и по какому руководству она прошла изъ Закона Божія и всеобщей исторіи. Катя приободрилась и на все толково отвѣчала.

Слушая отвѣты Кати, инспектриса одобрительно кивала головой, а просмотрѣвъ ея диктовки, спросила ласково:

— Кто тебя готовилъ?

— Папа самъ занимался съ нами прежде и мама.

— Какъ съ вами? Развѣ и маленькая уже начала учиться?

— Она уже порядочно читаетъ по-русски и по-французски, отвѣтила Катя.

— Порядочно, перебила ее обиженнымъ голосомъ Варя, — папа всегда говорилъ хорошо.

Она капризно трянула длинными локонами своей головки.

Мме Адлеръ поговорила что-то съ дамами и положивъ руку на плечо Кати сказала ласково: „Allons, mes petites.“ Одна изъ дамъ экзаменовавшихъ Катю нагнулась къ ней и съ участіемъ глядя на нее, спросила который ей годъ и какъ ее зовутъ. Мме Адлеръ провела дѣтей по корридору назадъ, вышла на лѣстницу, поднялась по ней, вошла въ такой же корридоръ и остановилась, поджидая отставшихъ дѣтей.

Дѣти вошли на лѣстницу и остановились. Они были поражены какимъ-то необычайнымъ шумомъ.

— Что это, громъ? спросила шепотомъ Варя, прижимаясь къ сестрѣ.

— Это не можетъ быть громъ, отвѣтила ей старшая сестра такъ же тихо. Слышались какіе-то длинные раскаты безъ остановки; что это такое?

Онѣ подняли глаза на Мме Адлеръ, но та стояла спокойно у двери.

— Что, развѣ такъ устали? спросила она ласково, увидѣвъ что дѣвочки остановились.

— Нѣтъ, отвѣчала Варя, взглянувъ на нее испуганными глазами,—нѣтъ, но что это за шумъ? слышите?

Дѣвочка приподнялась на цыпочки, вытянувъ руки и указывая пальцемъ по направленію откуда слышался шумъ, и не сводя глазъ смотрѣла въ ту сторону.

Мме Адлеръ ничего не отвѣтила и улыбаясь ждала пока милостивыя дѣвочки наконецъ рѣшились подойти къ ней; тогда она отворила дверь.

Шумъ, до того времени глухой, какъ бы вырвался на свободу и ошеломилъ дѣтей остановившихся на порогѣ. Катя зажала уши. Ей казалось что сотни голосовъ громко выкрикиваютъ все одинакъ и тотъ же, какой-то неудовимый для ея слуха слогъ, а сотни другихъ, стараясь перекричать первыхъ, еще громче въ голосъ повторають очень быстро *ар-ар-ар-рарара* и въ то же время предъ ея глазами тянутся нескончаемою веревницей въ нѣсколько рядовъ пары большихъ, маленькихъ и очень маленькихъ дѣвочекъ въ зеленыхъ и коричневыхъ платьяхъ, бѣлыхъ фартучкахъ, пелеринкахъ и рукавчикахъ. Ряды эти сходятся, расходятся, путаются и вдругъ начинаютъ кружиться. Кружится все, и нескончаемыя веревницы дѣвочекъ, и Мме Адлеръ, и Варя, и

окна, и двери, и половицы, наконецъ начинаетъ кружиться и она сама. Она дѣлаетъ отчаянное усиліе чтобъ удержаться, протягиваетъ руки чтобъ ухватиться за что-нибудь...

Въ это время Мше Адлеръ взглянула на дѣтей и увидѣвъ измѣнившееся, блѣдное до зелени лицо, бессмысленные въ упоръ глядящія глаза и векинутыя руки старшей дѣвочки, она послѣднѣю подошла къ ней, но Катя зашаталась и, прежде нежели инсектриса успѣла поддержать ее, какъ подкошенная со всѣхъ ногъ рухнула навзничъ, глухо ударилась объ полъ затылкомъ и лишилась чувствъ.

Нѣсколько голосовъ громко вскрикнули; пары поравнявшіяся съ дверью разомъ остановились; шутъ мгновенно затихъ; вмѣсто него слышалось въ рядахъ тревожное жужжанье; нѣсколько дѣвочекъ выскочили изъ рядовъ и бросились помогать инсектрисѣ, которая нагнулась надъ лежащею помертвѣлою дѣвочкой и старалась приподнять ее. Онѣ подняли и на рукахъ перенесли блѣдную, съ бессильно опущенными руками и повисшею головою Катю и положили ее на ближайшую скамейку. Несмотря на то что возможная помощь была тотчасъ же подана ей, она не приходила въ себя, и ее въ сопровожденіи пришедшей Мше Фронъ отвнесли въ лазаретъ и положили въ постель.

Весьма вѣроятно что потрясенія послѣдняго времени, смерть отца къ которому она была глубоко привязана, болѣзнь матери и ея безсознательное положеніе, потеря брата и общій переворотъ въ жизни подготовили болѣзнь и нумень былъ только толчокъ для ея обнаруженія. Такимъ толчкомъ были сдержанныя въ этотъ день слезы при разставаньи съ матерью, страхъ предъ невѣдомымъ будущемъ, усиліе скрыть робость, масса новыхъ впечатлѣній и наконецъ ушибъ. Съ этого дня Катя заболѣла, и болѣзнь ея была серьезна и продолжительна.

Варя, увидя что сестру ея уносятъ, бросилась къ ней, вцѣпилась руками въ ея платье и громко заплакала.

— Тиме, тиме, какъ не стыдно! такая большая дѣвочка, а кричишь точно маленькая! сказала Мше Адлеръ, неодобрительно качая головою и высвобождая платье изъ ея рукъ.— Оставь, понимаешь что я тебѣ говорю? оставь сейчасъ! сказала она строго,—сестра больна, ее надо отвести къ доктору, въ лазаретъ.

— Катя умерла? такъ же какъ папа и Одея? спросила дѣвочка плача.

Мше Адлеръ нагнулась къ ней и дотронувшись пальцемъ до ея подбородка, приподняла заплаканное лицо, по розовымъ щекамъ котораго текли крупныя слезы.

— Дурочка! сказала она успокоивающимъ голосомъ. — Сестра твоя только устала. Она уснетъ и будетъ совсѣмъ здорова. Если ты будешь умница, я тебя пущу къ ней въ четыре часа.

Варя посмотрѣла изъ подлобья на Мше Адлеръ.

— Она, правда, не умерла? спросила она и опять пытливо на нее посмотрѣла.

— Что за вздоръ ты городишь! Я тебѣ говорю что она только устала, отдохнетъ и будетъ совсѣмъ здорова, говорила Мше Адлеръ улыбаясь.

— И вы меня пустите къ ней сегодня?

— Пущу, если ты будешь умница, говорила Мше Адлеръ.

— А когда же мы будемъ завтракать? вдругъ спросила дѣвочка, поднявъ на Мше Адлеръ свои блестящія, черныя, еще не высохшія отъ слезъ глаза.

— Завтракать?! А развѣ ты не кушала?

Мше Адлеръ посмотрѣла на часы висѣвшіе на крючкѣ у ея пояса.

— Я утромъ только молоко пила, а Катя ничего не хотѣла, ничего, повторила Варя съ удареніемъ на словѣ „ничего“. — Она все разбирала тамъ у мамы, а потомъ Александра Семеновна велѣла скорѣе, скорѣе вѣхать. Ахъ!.. вдругъ съ безлюбойствомъ спросила она:—а гдѣ же Александра Семеновна?

— Она поѣхала домой. Завтра пріѣдетъ опять, отвѣтила Мше Адлеръ, помавивъ къ себѣ кого-то рукой.

Къ ней подошла не молодая женщина съ добрымъ, короткимъ выраженіемъ лица, въ темно-синемъ кашемировомъ платьѣ и въ бѣломъ тюлевомъ челпѣ на гладко причесанныхъ русыхъ волосахъ съ легкою просѣдою.

— Эта маленькая поступаетъ къ вамъ. Elle est orpheline de père et de mère presque, добавила она въ полголоса.—Вы поставите ее съ Нютой, пожалуйста.

Мше Адлеръ слегка кивнула головой, передавая классной дамѣ маленькую руку Вари, которую держала въ своей и, потрепавъ дѣвочку по щекѣ, пошла черезъ залы къ корридору.

По мѣрѣ ея приближенія, стоявшія въ рядахъ дѣти разныхъ возрастовъ равномерно присѣдали и медленно поднимались уже за ея спиной. Она шла какъ бы въ волнахъ, молча, серьезно, слегка наклоняя голову то въ одну, то въ другую сторону. Не успѣла она скрыться за дверью, какъ все пришло въ движеніе, потянулись опять нескончаемые ряды сходящихся и расходящихся паръ и пошелъ немолчный говоръ нѣсколькихъ сотъ звонкихъ, молодыхъ голосовъ, слышійся опять въ тотъ оглушающій, неопредѣленный тонъ, который такъ поразилъ постулавшихъ въ этотъ день дѣтей. Разговоры шли самые оживленные, и оживленію этому не мало способствовали маленькія Солнцева.

— Видѣла ты, говорила одна живая, хорошенькая дѣвочка лѣтъ тринадцати, перебѣгая изъ одного ряда въ другой, — видѣла маленькую? Какая душка?

— Ну нѣтъ, старшая куда же лучше! Какая у ней коса! длиннѣйшая...

— За то у маленькой глаза—какъ звѣзды! вмѣшалась третья.

— А какъ ты можешь знать что у старшей они не лучше? Вѣдь ты ихъ не видѣла, сказала съ досадою защитница Кати...

И толковали, толковали во всѣхъ рядахъ, разбирая по точкѣ и лица, и платья, и походку, и каждое движеніе поменьшихъ.

Классная дама, которой инспектриса передала Варю, стояла нѣсколько времени посреди залы и прищуривъ глаза смотрѣла черезъ головы проходившихъ передъ ней дѣтей, повидимому чего-то выжидая. Когда къ ней приблизилась вереница самыхъ маленькихъ дѣтей, она остановила ихъ и подвела Варю къ переднимъ парамъ.

— Это твои товарки, сказала она слегка нагнувшись къ ней,—твои подруги. Нюта! произнесла она возвысивъ голосъ.

Изъ ряда вышла дѣвочка лѣтъ десяти, худенькая, маленькая, съ большими сѣрыми глазами и длинными рѣсницами. Ея блѣдное, подвижное личико, съ ясно обрисовывавшимися сквозь тонкую кожу жилками, казалась болѣзненнымъ.

— Нюта, ты возьми эту маленькую подъ свое покровительство. Она сирота, сказала классная дама, и обратившись ко всей массѣ остановившихся предъ ней дѣвочекъ, она прибавила: — Вы, надѣюсь, не станете ее обижать и научите ее всѣмъ нашимъ порядкамъ. Она меньше всѣхъ васъ и еще ничего не знаетъ. Ты станешь съ ней въ парѣ, Нюта.

Нюта Боровская только подняла глаза на свою классную даму и ничего не отвѣтивъ, улыбаулась, взяла руку Вари въ свою и повела ее въ аррьергардъ.

Младшія воспитанницы, на минуту оставленные, задвигались и зашаркали по полу ногами, слѣша догнать опередившихъ ихъ воспитанницъ и занять прежнее свое мѣсто.

Любопытная воспитанница, и взрослая, и маленькія, сталкиваясь рядами, ни на минуту не оставляли новенькую въ покоѣ и закидывали ее вопросами, на которые она едва успѣвала отвѣчать.

Она разъ сто уже сказала какъ ее зовутъ и какъ ея фамилія, и это ей такъ надоѣло что она была уже готова заплакать какъ раздался звонокъ. Всѣ засуетились, заторопились куда-то, и въ двѣ-три минуты середина залы опустѣла, а по обѣимъ сторонамъ ея вытянулись парами длинныя, ровныя, какъ по ниточкѣ вытянутые ряды коричневыхъ и зеленыхъ, большихъ и маленькихъ дѣвочекъ. Ряды эти мѣстами прерывались, оставляя промежутокъ въ нѣсколько шаговъ. Когда еще минутъ черезъ пять каждый изъ этихъ промежутковъ былъ занятъ дамой въ синемъ платьѣ или молодою дѣвушкой въ стромѣ съ чернымъ шелковымъ передникомъ, ряды эти задвигались. Сначала тронулись самая большія, потомъ меньшія, меньшія, и наконецъ маленькія.

Нюта нагнулась къ Варѣ и, обхвативъ ее за талию, шепнула ей:

— Теперь два часа, мы идемъ въ классъ. Первымъ будетъ Рендорфъ—Нѣмецъ, потомъ русская диктовка.

— А когда же мы будемъ завтракать? спросила удивленнымъ и недовольнымъ тономъ Варя.

— Какъ завтракать? Мы ужъ давно пообедали, сказала Нюта, тихонько смѣясь.—Въ четыре намъ дадутъ хлѣба, а въ восемь мы будемъ уживатьъ.

Варя открыла большіе глаза.

— Пообедали? сказала она,—а какъ же мы-то?

Нюта посмотрѣла на ея огорченное лицо, отъ души засмѣялась и стала черезъ плечо разказывать по-французски кому-то изъ подругъ о томъ какая эта повенькая смѣшная. Варя слышала и ея смѣхъ, и ея разказъ.

„Эту дѣвочку я никогда не буду любить, никогда. Она—гадкая, заслуживающая“, думала Варя и поневоле высвободивъ свою руку изъ-подъ руки Нюты пошла рядомъ съ ней, стараясь на нее не глядѣть.

— Такъ нельзя, надо идти подъ руку, сказала Нюта нахмутивъ брови, и взявъ Варину руку, почти насильно положила ее подъ свою.

Варя собралась что-то возразить, но въ эту минуту, поднявъ глаза, увидѣла свою первую знакомку, Мше Адлеръ. Она обрадовалась ей, и не даромъ. Мше Адлеръ молча протянула руку, отдѣлила ее отъ класса, и давъ послѣднимъ парамъ пройти, сказала шуточно:

— Ну, а теперь пойдемъ завтракать.

Варя повеселѣла и стараясь не отставать отъ инспектрисы пошла въ припрыжку, крѣпко держась за ея руку. Мше Адлеръ привела ее къ себѣ въ комнату, и посадивъ за накрытый столъ, на которомъ стоялъ одинъ приборъ, позволила въ маленькій колокольчикъ.

— Подавай, коротко сказала она вошедшей на ея зовъ дѣвущкѣ въ бѣломъ синими полосками таковомъ платѣ, бѣломъ холщевомъ передникѣ и холщевой косынкѣ, аккуратно натянутой и пришитенной на груди.

Дѣвущка вышла и очень скоро вернулась съ тарелкой супа, который оказался Варѣ очень вкуснымъ, точно такъ же какъ и кусочекъ вареной говядины и ломтикъ коровяка, которымъ закончился ея обѣдъ. Съ послѣднимъ кусочкомъ коровая во рту Варя соскочила со стула, перекрестилась, торопливо по привычкѣ прочла *Благодаримъ тя, Христе Боже нашъ*, послѣдшне сорвала салфетку которую горничная завязала ей у затылка узломъ, бросила на стулъ, но тотчасъ же опять взяла ее, крѣпко вытерла ею губы и осмотрѣлась на всѣ стороны, соображая въ какую дверь ушла Мше Адлеръ.

„Кажется туда“, подумала она и осторожно, безъ шума прошла до двери, еще осторожно переступила порогъ и неслышно вошла въ смежную комнату. Тамъ въ противоположномъ концѣ, почти противъ двери сидѣла въ креслѣ Мше Адлеръ и что-то работала. Варя развязно подошла къ ней, поцѣловала ея руку и потянулась было чтобы поцѣловать ее въ губы, но Мше Адлеръ остановила ее, положивъ ей руку на плечо.

— Хорошо, хорошо, сказала она, и взявъ со стола колокольчикъ, позволила.

— Отведи эту новенькую въ младшій классъ Мше Якушиной.

Дѣвущка довела Варю до младшаго класса и, сказавъ тихонько: „это вашъ классъ“, прістворила дверь, впустила

дѣвочку, а сама, не показываясь, но осторожно заглядывая въ комнату, старалась поймать взглядъ классной дамы, и когда это ей удалось, она знакомъ указывая на Варю, дала классной дамѣ понять что передаетъ ей маленькую воспитанницу.

Варя, очутившись въ классной комнатѣ остановилась и окинула быстрымъ, любопытнымъ взглядомъ длинныя, невысокіе столы горкой, раздѣленные на нѣсколько отдѣльных конторокъ съ круглой, стеклянною, глубоко всаженою чернильницей посреди каждой; придѣланныя къ столамъ неподвижныя скамейки, на ряды коротко подъ гребенку стриженныхъ бѣловолосыхъ и темныхъ головокъ, выглядывавшихъ изъ-за этихъ конторокъ; небольшое возвышеніе на которомъ стоялъ какой-то пожилой господинъ; мольбертъ стоявшій неподалеку отъ него и нѣсколько стриженныхъ, въ длинныхъ, до лоду, коричневыхъ пластьяхъ, маленькихъ дѣвочекъ вытянувшихся въ линію у мольберта.

Всѣ головы сидѣвшихъ за конторками и стоявшихъ у мольберта дѣтей повернулись къ двери, всѣ лица смотрѣли на нее; смотрѣлъ и высокій пожилой господинъ стоявшій на возвышеніи, и всѣ эти лица сіяли веселою улыбкой, и всѣ привѣтливо смотрѣли на неожиданно появившуюся маленькую дѣвочку въ черномъ короткомъ платьѣ, большомъ батистовомъ воротничкѣ, съ длинными разсылавшимся по плечамъ локонами, смотрѣли на ея здоровое, веселое и смущенное лицо, на ея блестящіе каріе глаза, и улыбались ей.

„Что тамъ такое?“ подумала классная дама, сидѣвшая на противуположной сторонѣ. Она встала со своего мѣста и увидѣла въ одно время и дѣвочку, виновницу безпорядка происшедшаго въ классѣ, и горничную инспектрисы, заглядывавшую въ чуть отворенную дверь и дѣлавшую ей знаки.

— *Ruhig, Achtung!* крикнула она съ напускною строгостью и торопливо пройдя за послѣднею скамейкой, подошла къ Варѣ, взяла ее за руку и посадила первою на средней скамейкѣ, ближайшей къ себѣ.

— Сяди смирно и слушай, сказала она, нагнувшись и погладивъ рукой шелковистыя кудри дѣвочки.

Варя кинула на нее бѣглый взглядъ и тотчасъ перевела глаза сначала на свою сосѣдку, потомъ на сидѣвшихъ передъ нею дѣвочекъ, на учителя который сидѣлъ теперь у стола и нагнувъ голову читалъ что-то. Черезъ минуту въ классѣ произошло движеніе, Варя быстро повернула въ ту сторону

голову и стала внимательно слѣдить за тѣмъ какъ дѣвочки стоявшія у мольберта шурша длинными платьями расходились по своимъ мѣстамъ.

— Fräulein Хётинъ! произнесъ вдругъ учитель, слегка приподнявъ голову и смотря передъ собой.

На одной изъ скамеекъ поднялась маленькая фигура дѣвочки лѣтъ девяти-десяти.

— Fräulein Темниковъ!

Дѣвочка сидѣвшая рядомъ съ Варей покраснѣла, встала и дотронувшись до Вари рукой, прошептала взволнованнымъ голосомъ: „пусти!“

Варя, не понимая въ чемъ дѣло и не двигаясь, подыала на нее вопросительный взоръ.

— Пустите же, дайте пройти! повторила съ досадою дѣвочка, не возвышая голоса,—встань!

И не дожидаясь чтобы безтолковая повенькая, вставъ пропустила ее, она пролѣзла предъ ней и направилась къ мольберту, незамѣтно крестясь и прикрывая лѣвою рукою правую, дѣлавшую у самаго пояса чуть замѣтное послѣднее крестное знаменіе.

Учитель вызвалъ еще двухъ-трехъ дѣвочекъ и, по мѣрѣ того какъ онъ называлъ фамилію, дѣвочки вставали со своихъ мѣстъ и становились въ рядъ у мольберта, на которомъ стояли большія литографированныя картинки, наклеенныя на толстый картонъ.

Дѣвочка, вызванная первою, взяла лежавшую у картины довольно длинную палочку. Учитель подошелъ, вынулъ наудачу одну изъ цѣлой серіи прислоненныхъ къ мольберту картинъ и замѣнилъ ею прежде стоявшую. Дѣвочка, стоя бокомъ къ мольберту и повернувъ голову къ картинѣ, начала бойко: „Das ist eine Blume und das ist auch eine Blume. Das Alles sind Blumen. Das ist eine Rose und das eine Rosenknospe.“ При этомъ она слегка дотрогивалась палочкой, которую держала въ лѣвой рукѣ, до называемаго предмета.

Сначала это занимало Варю; она внимательно во все всматривалась и вслушивалась, то улыбаясь, то хмурясь, но черезъ нѣсколько минутъ ей наскучило однообразіе урока, и она перевела свое вниманіе на крышку конторки предъ которою сидѣла. Она чуть-чуть приподняла ее, положила въ щель пальцы одной руки, другою слегка нажала крышку. Потомъ олять приподняла, нагнулась и приложила глаза къ щели,

еще прилодавая, еще, и наконецъ такъ высоко что придерживая крышку головой, стала разбирать лежавшія въ пюпитрѣ вещи.

Дѣвочки, слыша шуршае, стали оборачиваться и пересмѣиваться. Мше Якунина скоро замѣтила ихъ волненіе, встала, посмотрѣла на дѣтей и тотчасъ поняла причину вызвавшую безпорядокъ. Она подошла къ повенькой насуливъ брови и собираясь сдѣлать ей строгій выговоръ, но увидѣвъ веселые глаза и невинный видъ красиваго ребенка, она слегка улыбнулась, и похлопывая Варю по плечу, сказала ласково: „Погоди еще минутку смирно. Учитель сейчасъ уйдетъ!“

Урокъ кончился. Учитель вышелъ. Въ классѣ подвѣлась суетня. Между уроками было пятнадцать минутъ отдыха; въ эти пятнадцать минутъ дѣти убирали однѣ тетради, готовили другія, дежурныя раздавали аспидныя доски, грифеля. Многія изъ дѣвочекъ услѣли и посмѣяться, и поссориться. Классная дама вышла; ее замѣнила пелиньерка, которая должна была давать урокъ французской диктовки.

— Eh bien! крикнула она.—Pas de bavardage! Ecrivez.

И начался усердный визгъ сорока грифелей по аспиднымъ доскамъ, прерываемый по временамъ на минуту громкимъ голосомъ пелиньерки, медленнао выкрикивавшей французскія фразы или отдѣльныя слова. Всѣ писали на аспидныхъ доскахъ, только одна маленькая дѣвочка, вызванная пелиньеркой, вышла къ большой доскѣ стоявшей предъ классомъ и писала на ней мѣломъ, крупными буквами.

— Copiez! крикнула пелиньерка коротко и закрывъ книгу, подошла къ большой доскѣ. Дѣвочка подала ей мѣлъ и впиалась глазами въ ея руку.

Пелиньерка стала читать и подчеркивать мѣломъ каждое неправильно написанное слово. Черточки стали прибавляться съ каждою прочитанною строкой. Дѣвочка начала краснѣть послѣ перваго десятка, а когда она насчитала второй у ней выступили слезы на глазахъ. Пелиньерка дошла до послѣдняго слова, обернулась, посмотрѣла на нее насмѣшливо и стала считать черточки.

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать... считала она по-французски, съ каждымъ разомъ крѣпче и крѣпче ударяя мѣломъ по доскѣ,—двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь... закончила она,—чудесно! безподобно!

И она стала вызывать то одну, то другую изъ дѣвочекъ и заставляла ихъ складывать слова неправильно написанныя. Дѣвочка стоя у доски исправляла свои ошибки, а весь классъ поправлялъ свои диктовки по доскѣ. Поправивъ, онѣ передавали свои доски пелиньеркѣ, которая просматривала написанное и или молча возвращала доски или дѣлала надписи, въ родѣ слѣдующей: „Написать двадцать разъ каждое подчеркнутое слово въ тетрадкѣ“.

Все были заняты своимъ дѣломъ и о новенькой совершенно забыли, только Нюта предъ началомъ диктовки подбѣжала къ ней, подѣловала ее и сунула ей въ руку леденчикъ, сказавъ: „хочешь?“

Варѣ учительница тоже дала доску, разлинованную клѣточками и прописъ съ красиво написанными на ней палочками и пуликами и велѣла ей написать страницу.

Варя писала на доскѣ, вытирала, опять писала и не замѣтила какъ прошелъ часъ, и когда раздался громкій звонокъ, возвѣщавшій объ окончаніи урока, она вздрогнула съ головы до пятокъ.

Опять поднялась суматоха, говоръ, споръ и смѣхъ. Пелиньерка, очень молоденькая, некрасивая, маленькаго роста, коренастая, съ сѣрыми глазами на выкатѣ и короткими широкими и широко-разставленными зубами дѣвушка, старалась казаться взрослою и строгою, безпрестанно хлопала въ ладоши покрикивалъ: „doucement, mesdemoiselles, doucement! rangez-vous, vite, vite!“

Минутъ черезъ десять весь маленькій людъ вышелъ парами изъ классной.

Пелиньерка стояла въ дверяхъ, пропуская предъ собой чинно проходившія пары. Потомъ, давъ всемъ пройти нѣсколько шаговъ, она со стороны взглянула на общее впечатлѣніе производимое ея командой и замѣтила что не все въ должномъ порядкѣ.

— Третья пара, зачѣмъ выступаетъ! крикнула она по французски, подайтесь налѣво! Аннишка, зачѣмъ горбишься! Кто тамъ шаркаетъ?

Когда все пришло въ порядокъ, она заняла свое мѣсто по главѣ класса и, безпрестанно оборачиваясь, ввела дѣтей въ залу, гдѣ они выстроились въ нѣсколько рядовъ.

Вслѣдъ за маленькими стали входить по очереди другіе классы и становиться въ ряды. Каждый классъ становился

въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи. Всѣ стояли смирно, кое-гдѣ только слышался отрывистый шелотъ тотчасъ же сдерживаемый рѣзкимъ шиканьемъ классной дамы. Когда всѣ были въ сборѣ, изъ коридора отворилась дверь и въ комнату вошли нѣсколько дѣвушекъ въ полосатыхъ бѣлыхъ съ синими полосами таковыхъ платьяхъ, бѣлыхъ фартукахъ и косынкахъ, съ четырехугольными, неглубокими, выкрашенными снаружи зеленою, а внутри бѣлою масляною краской лотками съ невысокими бортами. Онѣ пошли по рядамъ, начиная съ послѣдняго ряда въ каждомъ классѣ, то-есть съ самыхъ рослыхъ воспитанницъ, такъ какъ стояли воспитанницы по росту, самыя маленькія впереди.

Дѣвушки проходили медленно по рядамъ. Каждая воспитанница брала, не выбирая, небольшой ломоть хлѣба, посыпанный солью и тотчасъ же принималась за него. „Mesdames, у кого горбушка?“ спросилъ кто-то шелотомъ за спиной Варя. Она оглянулась. Въ одномъ изъ рядовъ подавалась чья-то рука съ горбушкой. „Уступилъ, душка, за мою порцію и подпирого завтра.“ Обладательница горбушки не долго думая согласилась, и мѣна состоялась къ обоюдному удовольствію.

Варя тоже получила ломтикъ. Она откусила кусочикъ и поднимая свои веселые, изумленные глаза на собесѣду, спросила:

— Это зачѣмъ? вѣдь это простой хлѣбъ!

— Хлѣбъ, конечно, вѣдь теперь четыре часа, отвѣтила ей просто маленькая дѣвочка, съ наслажденіемъ убирая свой ломоть за обѣ щеки.

Когда хлѣбъ былъ съѣденъ, къ маленькимъ подошла ихъ пелиньерка и, сказавъ коротко: „allons, courez maintenant!“, взяла Варю за руку.—А ты пойдешь со мной, подожди, добавила она.

— Это у тебя что? спросила она, увидя что Варя держитъ кусокъ хлѣба въ рукѣ.—Отчего ты не ѣла? неужели ты не голодна?

— Я лучше подожду молока, я не люблю сухаго хлѣба, отвѣтила Варя, втягивая всею грудью воздухъ, что она дѣлала всегда когда конфузилась.

Пелиньерка засмѣялась.

— Долго же тебѣ придется ждать молока, сказала она.— Знаешь ли, за это наказываютъ. Хлѣбъ надо съѣсть на мѣстѣ, а въ карманъ прятать и ходить съ нимъ не позволяютъ.

Она взяла Варю за руку и повела ее по длиннымъ пустымъ комнатамъ и корридорамъ.

— Мы куда идемъ? спросила съ безлокойствомъ Варя, заглядывая въ лицо пелиньерки.

— Куда? воть увидишь, только не молоко лить, отвѣтила пелиньерка, поддразнивая дѣвочку.

Онѣ поднялись въ верхній этажъ, прошли одну большую спальню, установленную двумя длинными рядами кроватей, одинаково накрытыхъ бѣлыми байковыми одѣялами съ ярко-красною каймой и двумя подушками на каждой, прошли другую и въ третьей остановились.

— Софьюшка! крикнула пелиньерка, — Софьюшка!

На противоположномъ концѣ спальни отворилась дверь, и изъ нея показалась высокая, худая, рыжеватая, съ крупными веснушками на длинномъ лицѣ, горничная дѣвушка въ тиковомъ платьѣ.

— Елена Антоновна приказала остричь ковенькую, пельзя ли только поскорѣе. Мыѣ надо еще послѣть въ лазаретъ до шести.

— Сейчасъ, отвѣтила дѣвушка и скрылась за дверью. Черезъ минуту она вышла съ ножницами и гребнемъ.

— Ну, садитесь, сказала она, отодвинувъ отъ первой кровати табуретъ. — Э-э-эхъ, да какіе же чудные доконы! Воть жаль-то! добавила она, собравъ въ руку длинные, густые, шелковистые волосы дѣвочки. — Воть тутъ садитесь.

Варя только въ эту минуту поняла что дѣло идетъ о ея доконахъ. Она испуганно посмотрѣла на пелиньерку, на Софьюшку и на пожницы.

Софьюшка нагнулась чтобы приподнять и посадить дѣвочку на табуретку, но Варя вырвалась изъ ея рукъ, отбѣжала нѣсколько шаговъ, остановилась и закричала отчаяннымъ голосомъ взявшись за голову:

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуста нѣтъ!

— Замолчи! крикнула пелиньерка и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ Варѣ, но Варя бросилась отъ нея, отбѣжала почти на другой конецъ комнаты, забилась между кроватью и стѣной, и какъ испуганный звѣрокъ безлокойно оглядывалась на всѣ стороны.

— Оставьте ее, барышня, сказала участливымъ голосомъ Софьюшка, — смотрите какъ она испугалась, бѣдная птичка! Все равно, вѣдь можно завтра утромъ...

— Какъ можно оставить до завтра когда Елена Антоновна сказала чтобъ ее остричь теперь? Чтò за пустяки! Пожалуйста не выдумывай, сказала пелиньерка, подойди къ дѣвочкѣ, которая, видя что уйти некуда, ждала своего врага, стоя съ широко открытыми глазами и лицомъ искаженнымъ отъ ужаса.

Пелиньерка подошла къ ней и, стараясь разнять ея руки, съ досадою продолжала.—Вѣдь ты не дома; иди и садись сейчасъ, слышишь? Здѣсь куражиться не позволять.

Она разняла ея руки и взяла крѣпко въ свои.

Варя безпомощно осмотрѣлась какъ бы ища защиты, но въ комнатѣ кромѣ ея и двухъ ея враговъ никого не было. Она вырвала свои руки и закинувъ ихъ на голову, крѣпко сжала ихъ на затылкѣ и сколько было силъ закричала: „Не надо, не надо, душечка, пожауйста не надо!“

Молодая дѣвушка остановилась на минуту и дернувъ Варю за плечо, произнесла съ досадою:—Противная дѣвочка! вотъ выдрать бы тебя—и она, нагнувшись надъ Варей, отчетливо и медленно проговорила, сдерживая сколько могла свое раздраженіе:—Пойми ты что тебя надо остричь, здѣсь съ космами твоими тебѣ не позволять оставаться. Она съ досадою дернула ея за волосы.—Если ты не уймешься сейчасъ же, тебя остригутъ насильно и не только волосы, но и уши отрѣжутъ.

При послѣднихъ словахъ она почувствовала что досады ея какъ не бывало, она даже улыбнулась ласково и положила свои руки на плечи Вари; но дѣвочка, почувствовавъ ея прикосновеніе, всею силою прижалась къ стѣнѣ и, удѣлавшись за желѣзную перекладинку кровати закричала неистовымъ голосомъ...

— Чтò тутъ такое? чтò за шумъ? вдругъ раздался встревоженный голосъ, и въ комнату почти вбѣжала женщина лѣтъ тридцати пяти, средняго роста, худенькая, сильно сутулая, такъ что на первый разъ казалась горбатою, съ блѣднымъ серьезнымъ лицомъ, большими темно-голубыми глазами, свѣтлыми, длинными рѣсницами и массой золотистыхъ волосъ, гладко причесанныхъ спереди и закрученныхъ въ косу, съ трудомъ умѣщавшуюся на ея маленькой головѣ.

Варя въ мигъ замолчала, какъ оборвала. И она, и пелиньерка, и Софьюшка, стоявшая поодаль, молча, смущенно смотрѣли на такъ неожиданно явившуюся помощь или помѣху, оиѣ не знали.

Вбѣжавшая дама была Марина Ѳедоровна Милькѣва.

Она быстрымъ взглядомъ окинула сцену, увидѣла забившуюся за кровать, растрепанную, испуганную дѣвочку, смущенную пеллиньерку и горячую стоящую съ пошницами, и тотчасъ же появилась въ чемъ дѣло.

— Что вы тутъ дѣлаете? обратилась Милькѣва по-французски къ пеллиньеркѣ.

— Елена Антоновна приказала остричь вотъ эту повенку, а она не дается, злится, вачала объяснять молодая дѣвушка, покраснѣвъ.

— Je dois vous dire, mademoiselle, que vous méritez fort peu la confiance de votre dame. Retournez à votre service, je me charge de l'enfant, сказала Милькѣва, голосомъ не допускающимъ возраженія.

— Я не могу этого сдѣлать. Мнѣ приказано отвести ее въ лазаретъ, къ сестрѣ, послѣ стрижки, сказала волнуясь и нерѣшительно пеллиньерка тоже по-французски.

— И прекрасно. Я исполню это за васъ и вечеромъ объяснюсь съ Еленой Антоновной. Можете идти. Да, впрочемъ, на сколько времени позволено оставить маленькую у сестры?

— До семи часовъ, отвѣчала молодая дѣвушка съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и, быстро повернувшись, пошла изъ дортуара.

— Съ чего она такъ расплакалась? спросила Милькѣва Софьюшку.

Софьюшка разказала все какъ было и добавила: — Она больше отъ страха, напугала ее ужь очень Бунина.

— Ты о чемъ плакала? спросила Марина Ѳедоровна Варю, подойдя къ ней.

Варя подняла на нее глаза и узнала въ ней ту даму которая экзаменовала сестру и потомъ спросила сколько ей лѣтъ.

— Эта... большая... дѣвочка... хотѣла мои волосы отрѣзать, отвѣтила Варя, торопясь, заикаясь и подбирая губы чтобы не заплакать.

— Ты была въ классѣ? помолчавъ минуту спросила Марина Ѳедоровна. — Видѣла тамъ дѣвочекъ?

— Видѣла, много-много, сказала Варя нараспѣвъ и посмотрѣла прямо въ глаза классной дамѣ.

— А видѣла у кого-нибудь изъ нихъ длинные волосы или булки?

— Нѣтъ, онѣ всѣ такіа смѣшныя, точно мальчики. Волосы у всѣхъ коротенькіе, вотъ такіе..

Варя подняла руку до лица, прищуривъ глаза и чуть-чуть отъѣливъ указательный палецъ отъ большаго, показала пальцами какіе у дѣвочекъ короткіе волосы.

— А знаешь ты отчего у нихъ короткіе волосы?

— Отчего? Оттого вѣрно что имъ ихъ обрѣзали, отвѣтила Варя, хитро посмотрѣвъ въ глаза спрашивавшей ее.

— А какъ бы ты думала для чего всѣмъ имъ обрѣзали волосы?

— Для чего?

Варя повела плечами, открыла большіе глаза, улыбнулась всѣмъ лицомъ, развела рученками и стояла молча.

— Для того чтобъ онѣ были всегда гладенькія, чистенькія. Онѣ еще маленькія, сами причесывать длинныхъ волосъ не могутъ, а причесывать ихъ некому. Ты сама причесываешь свои волосы и завиваешь букли? спросила Мше Милькѣва.

Варя засмѣялась, откинувъ голову и произнесла:— Нѣ-ѣтъ, я не умѣю, меня завивала всегда мама, а когда она была больна—Мариша, Лѣвина няня. Только няня рѣдко.

— Ну, а здѣсь кто тебѣ будетъ завивать букли и расчесывать твои длинные волосы, какъ ты думаешь?

Дѣвочка молчала.

Не дождавшись отвѣта, Марина Федоровна продолжала:— Когда привели всѣхъ этихъ маленькихъ дѣвочекъ, у нихъ, почти у всѣхъ, были тоже длинные волосы какъ у тебя,— ихъ тоже причесывали няни и мамы дома. Няни и мамы имѣли время ихъ причесывать, потому что у нихъ было по двѣ, по три дѣвочки у каждой, не больше, а здѣсь такъ много дѣвочекъ что если всѣхъ ихъ будетъ расчесывать и завивать дортуарная дѣвушка, у которой и безъ того много дѣла, то ей придется съ утра до вечера снимать палильотки и расчесывать волосы дѣвочкамъ, а съ вечера до утра завивать ихъ въ палильотки, а дѣвочкамъ ужь не придется ни учиться, ни играть вовремя днемъ, а ночью многимъ долго не спать, выжидая очереди.

Mademoiselle Милькѣва помолчала.— Какъ ты объ этомъ думаешь, дѣвочка, а?

Варя опустила глаза и, искоса взглядывая на нее, перебирала свои пальцы и молчала.

— Ну вотъ сегодня, послѣ молитвы всѣхъ васъ, маленькихъ, приведутъ въ спальную. Всѣ твои товарки умоются и лягутъ спать, а ты... какъ ты справишься со своими волосами? Ну-ка попробуй, сказала Марина Федоровна.— Я посмотрю. Софьюшка, дай сюда гребень.

И взявъ изъ рукъ горничной гребень, она подала его Варѣ, повторивъ: Попробуй, мой другъ. Если ты сумѣешь сама причесаться, тогда я попрошу чтобы тебѣ позволили оставаться съ длинными волосами.

Варя взяла гребень и, неловко придерживая его пальцами, сказала, конфузясь и чуть слышно:— я не умѣю.

— Попробуй, душа моя. Я уйду на минутку къ себѣ, а ты постарайся расчесать свои волосы, да поскорѣе, а то ты опоздаешь къ сестрѣ. Ты можешь ее видѣть только до семи часовъ. Бѣдная твоя сестра соскучилась ждать тебя:

— Такъ лучше пойдете къ ней теперь, сказала дѣвочка, оживляясь.

— Нельзя, мой другъ. Ты такъ растрепалась что въ такомъ видѣ никуда нельзя показаться. Надо или причесаться гладко, или остричь волосы.

Марина Федоровна, не дожидаясь возраженія ребенка, пошла скорыми шагами вонъ изъ комнаты.

— Можете вы меня причесать? спросила заискивающимъ голосомъ дѣвочка, протягивая Софьюшкѣ гребень.

— Нѣтъ, милая, и рада бы да не умѣю, сказала Софьюшка, покачивая головой.— Я больше вырву волосъ чѣмъ расчешу; вотъ посмотрите что у меня - то у самой на головѣ осталось...

Софьюшка, проведя рукой по своей головѣ, спустила съ нее двѣ жиденькія коротенькія косички со вилетевыми въ нихъ тесемками.— Точно крысы хвосты; вокругъ головы даже разъ не обходятъ, а тоже были длинныя, — всѣ повывала, не умѣла расчесывать.

Варя стояла съ гребнемъ въ рукахъ и не знала что ей дѣлать.

— Еслибы Катя была здѣсь, она можетъ-быть сумѣла бы, сказала она громко и поднявъ голову, посмотрѣла вопросительно на Софьюшку, но та ничего ей не отвѣтила.

— Ну что же, причесалась? спросила Марина Федоровна, возвратившись.— Пора бы и къ сестрѣ идти.

— Я не умѣю, а вотъ, я думаю, Катя можетъ, сказала Варя верѣшительно.

— Катя, мой другъ, въ лазаретѣ, а когда ее выпустятъ, она будетъ не съ тобой, а въ другомъ классѣ. Она большая.

— Ну, такъ надо остричь, сказала дѣвочка вдругъ рѣшительно.

— Да, и я то же думаю, отвѣтила Марина Федоровна,—и остричь поскорѣе чтобъ еще успѣть сестру навѣстить. Софьюшка, ужь ты извини пожалуйста что маленькая барышня задержала тебя и остриги ее поскорѣе.

Черезъ десять минутъ дѣло было сдѣлано, голова выстрижена, приглажена, горе забыто, и Варя шла, весело болтая, рядомъ съ Мариной Федоровной въ ея комнату. Когда онѣ вошли, Варя увидѣла что у стола сидѣло нѣсколько воспитанницъ. Предъ каждою изъ нихъ стояла бѣлая кружечка съ ручкой. Всѣ воспитанницы, увидя Марину Федоровну, живо встали и сдѣлали реверансъ.

— Ну дѣти, потѣситесь, дайте мѣстечко сестрѣ вашей будущей подруги, сказала она по-французски, подводя Варю къ столу.

Дѣвочки засуетились, передвинули свои кружки и столочки сухарей, лежавшіе предъ каждою изъ нихъ, принесли стулъ, усадили маленькую Варю и тотчасъ же закидали ее вопросами. Варя отвѣчала охотно и смѣшила ихъ своею находчивостью и мѣткими, остроумными замѣчаніями.

Горничная дѣвушка поставила предъ Варей кружечку чаю съ молокомъ и положила три маленькіе поджаристые сухаря.

— Ну вотъ же я знала что дадутъ молока! воскликнула Варя хлопая въ ладоши,—а эта большая дѣвочка сказала: „Долго же тебѣ придется ждать молока!“

И Варя, передразнивая голосъ и манеру пелиньерки, передала свой разговоръ съ Буниной о хлѣбѣ.

Дѣти смѣялись отъ души.

— Кончай, кончай скорѣе! сказала Марина Федоровна,—а то къ сестрѣ опоздаешь.

Варя залпомъ и съ наслажденіемъ выпила кружечку жидкаго, сильно разбавленнаго молокомъ чаю. Горничная, привѣтливо смотрѣвшая на нее, налила ей еще полъ кружки.

— Вы бы съ сухарями чай-то, да поскорѣе. Марина Федоровна тамъ въ дортуарѣ дожидаются.

Варя допила свое молоко, съѣла одинъ сухарь, громко чмокнула въ губы сосѣдку съ одной стороны, потомъ сосѣдку

съ другой и такъ расшались что стала обнимать и цѣловать всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ по очереди.

— Иди, иди скорѣе, а то сестру не увидишь! да хорошенько поблагодари Марину Федоровну за чай! говорили дѣвочки, отбиваясь отъ ея объятій.

— Идите скорѣе, онѣ разсердятся, сказала торничная въ подголоса, нагибаясь къ Варѣ повисшей на шеѣ одной изъ воспитаницъ.

Варя тотчасъ же бросилась въ дортуаръ. Добѣжавъ до Марины Федоровны, она схватила ея руку, крѣпко поцѣловала и не выпуская ея руки изъ своей сказала:—Ну теперь къ Катѣ, пожалуйста, а то поздно будетъ.

— Тихе, тихе, ты совѣмъ какъ дикій звѣрокъ, сказала улыбаясь Марина Федоровна.—Пойдемъ, пора, но иди тихо, не суетись и не кричи. Подумай что бы тутъ было еслибы всѣ дѣвочки такъ шумѣли и возились какъ ты. Не хорошо, сказала Мше Милькѣва, сдѣлавъ серьезное лицо.

Варя присмирѣла и молча пошла рядомъ съ ней.

Въ комнатѣ между тѣмъ подыались толки о живости, милосердности и находчивости новенькой, но болѣе всего говорилось о ея смѣлости и непринужденности въ обращеніи съ Мариной Федоровною, всегда строгою и серьезною, которой всѣ боялись.

IV.

Когда Катю привесли въ лазаретъ, въ ней еще не было признаковъ жизни. Мше Фронъ, встревоженная ея продолжительнымъ обморокомъ, послѣшшо освободила ее ото всего что могло стѣснить ея дыханіе, и стала употреблять всѣ извѣстныя средства для приведенія дѣвочки въ чувство. Это ей не скоро удалось. Когда же Катя наконецъ открыла глаза и Мше Фронъ спросила ее что у ней болитъ, та отвѣтила чуть слышно: „ужасно устала.“ Но когда на вопросъ „что она ѣла въ этотъ день“, Катя отвѣтила „ничего“, Мше Фронъ ахнула.

— Какъ, и чаю еще не пила?! спросила она.

— Нѣтъ, ничего.

— Вотъ и разгадка! сказала Фронъ и тотчасъ же приказала принести чашку бульйону.

Катя выпила немного и скоро уснула. Часа черезъ два

она проснулась и вѣсколько минутъ лежала въ полудремотѣ, не открывая глазъ. Кругомъ было тихо, спокойно. Ей было тепло, хорошо, ничто не беспокоило ее, ничто у ней не болѣло, хотя она ясно сохранила впечатлѣніе недавней боли и потому боялась шевельнуться; но теперь, при пробужденіи, ей казалось что она совсѣмъ здорова и можетъ даже встать. Она хотѣла было открыть глаза чтобъ осмотрѣться, узнать гдѣ она, но вдругъ ея слуха коснулись звуки незнакомыхъ голосовъ, гдѣ-то близко говорившихъ. Она стала машинально прислушиваться.

— Не понимаю, какъ можешь ты ее защищать, говорилъ кто-то негромко, раздраженнымъ голосомъ,—всѣ знаютъ что она фискаль и *paseweise*.

— Фискаль, это неправда, возразилъ съ горячностью другой голосъ,—не правда. Фискаль тотъ кто подслушиваетъ, кто тайно или хитростію выведываетъ и доноситъ, а не тотъ кто такъ честно, открыто, дѣйствуетъ какъ она всегда, во всемъ.

— Полно, какое же открыто! Не скажешь ли ты еще что она открыто подняла всю эту исторію о стѣнѣ, задорно заговорила первый голосъ,—и что тутъ она дѣйствовала честно?

— Конечно честно, и всегда скажу что честно. Послушай, Зина, вдругъ произнесъ примиряющимъ тономъ второй голосъ,—ты не можешь не сознаться что она сотни разъ говорила вамъ, объясняла какъ это вредно, убѣждала васъ, а вы всякій разъ поднимали ее на смѣхъ и настаивали чтобы ваша Зернина шла къ ней объясняться, и кончалось чѣмъ?... всегда тѣмъ что ее просили не вмѣшиваться не въ свое дѣло и оставить вашъ классъ въ покоѣ.

— Ну что жь, правда, и лучшаго она и не могла бы сдѣлать какъ сидѣть смирно и не совать свой носъ туда гдѣ ее не спрашиваютъ.

— Гдѣ ее не спрашиваете вы, а спрашиваетъ ее совѣсть и сознаніе долга.

— Хорошо долгъ! Нечего сказать. На мѣсяцъ безъ родственниковъ и всѣ кокарды долой. Припомни только, всегда, если бывали какія-нибудь исторіи, онѣ бывали только по ея милости, и ты скажешь: это не подою! Нѣтъ, знаешь, что я тебѣ скажу, не обидься пожалуйста, но мнѣ кажется, подою даже защищать подобную тварь!

— Мерси! услышала Катя.

На этомъ *merci*, произнесенномъ обиженнымъ голосомъ, прекратился разговоръ. Послышалось легкое движеніе, выдвинулся ящикъ табурета, задвинулся и затѣмъ наступило молчаніе.

Въ комнатѣ было опять тихо, спокойно, какъ въ минуту пробужденія Кати.

Кто это, и о комъ онѣ говорили, что за исторія о стѣнѣ?... На мѣсяцъ безъ родителей... что бы это значило? думала Катя. Она открыла глаза, посмотрѣла передъ собой—постель накрытая бѣлымъ байковымъ одѣяломъ съ красною каймой, одна подушка на ней, далѣе стѣна выкрашенная свѣтло-зеленою краскою. Катя тихонько повернула голову на другую сторону, рядомъ съ ней такая же накрытая постель, одна, двѣ, три, за третьей—у постели со смятой подушкой стоитъ дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ бѣломъ камифасовомъ халатикѣ и что-то внимательно на ней разбираетъ, низко наклонивъ голову. Далѣе на сѣдующей постели лежитъ большая, вытянувшаяся во весь ростъ фигура съ широкимъ, блѣднымъ лицомъ и короткою русою косою на подушкѣ.

Катя перевела глаза на стоявшую у постели дѣвочку и увидѣла что та утираетъ глаза и носъ, и старается дѣлать это такъ чтобы лежащая въ постели соседка ея не могла замѣтить ея слезы. Катя, боясь смутить дѣвочку, поспѣшила закрыть глаза и притвориться спящею.

— Надя! скоро услышала она,—Надя! Вязнина! Ты сердисься?

Молчаніе.

— Ну какъ угодно, а я все-таки скажу, что она...

— Можете оставить при себѣ то что вы хотите сказать, съ живостію перебила ее дѣвочка,—я не хочу слышать тѣхъ гадостей которыя вы говорите, и вообще не хочу говорить съ вами.

— Ахъ вы, парфетанды! произнесла съ пренебреженіемъ взрослая дѣвушка,—всѣхъ бы васъ на одну осину съ вашею кукушкой.

Она шумно перевернулась на бокъ и легла спиной къ своей соседкѣ.

На этотъ разъ молчаніе долго не прерывалось. Взрослая воспитанница лежала, не двигаясь; младшая, сидя на табуреткѣ у своей постели, что-то читала, а Катя думала, и никакъ не могла придумать какъ бы ей заговорить съ дѣвочкой,

которая и по годамъ подходила къ ней, и была ей очень симпатична. „Можетъ-быть она могла бы научить меня какъ узнать о Варѣ“, думала она. „Бѣдная Варя, какъ ей должно-быть страшно тамъ одной, и какъ она будетъ спать сегодня! Здѣсь въ кровати безъ рѣшетокъ, а она никогда еще не спала какъ большая. Что она теперь тамъ дѣлаетъ? Надо же было мнѣ упасть! Еслибы только поскорѣе мнѣ позволили уйти къ ней, все же было бы лучше. И отчего это Александра Семеновна не зашла проститься?“ Отъ Александры Семеновны мысль ея перешла къ матери. Сердце у ней сжалось. Ей сдѣлалась такъ тяжело, такъ жаль мать, такъ захотѣлось хоть на минутку увидѣть ее, узнать что-нибудь о ней, узнать какъ она тамъ, безъ нея, провела день. Мама велѣла смотрѣть за Варей. „Помогай ей,“ вспомнила она слова матери „помогай, а я въ первый же день... Господи помилуй! Господи помилуй!“ повторяла Катя, крестясь подъ одеяломъ.

Такъ томилась она болѣе часу. Гдѣ-то не подалеку пробило пять часовъ, и скоро затѣмъ въ комнату вошла лазаретная дѣвушка съ подносомъ въ рукахъ и стала молча, останавливаясь у каждой занятой постели, ставить стаканъ съ чаемъ и класть круглую булочку. Постель Кати была послѣднею изъ занятыхъ въ этой комнатѣ. Дѣвушка подошла къ ней, тоже молча поставила на столикъ порцію и собиралась идти далѣе какъ Катя, стараясь побороть свою робость, спросила ее: „Не можете ли вы мнѣ сказать какъ зовутъ даму въ синемъ платьѣ и въ чепцѣ, которая“...

Катя не знала какъ сказать:—Которая что...

— Начальницу лазарета? помогла ей дѣвушка,—мадамъ Фронъ.

— Вы не знаете, придетъ Мме Фронъ еще сегодня сюда?

— А вамъ ее надо видѣть? спросила дѣвушка.—Если надо, я попрошу ее къ вамъ.

— Нѣтъ, я такъ спросила, я думала если она зайдетъ...

— Нѣтъ? повторила дѣвушка и, не слушая далѣе, понесла свой подносъ въ слѣдующую комнату.

Катя лежала, и тревожныя мысли опять не давали ей покоя. „Какъ бы это заговорить съ ней, съ этою дѣвочкой?... Если она встанетъ со своего мѣста ранѣе нежели я сосчитаю десять, я заговорю съ ней. Заговорю во что бы то ни стало“ рѣшила она и стала медленно считать разъ, два, три, но сосчитала десять и еще разъ десять, а дѣвочка не двигалась

и продолжала читать. Катя не могла видѣть ея лица и не смотря на то, не спускала съ нея глазъ.

Вдругъ дѣвочка подняла голову, прислушалась къ какому-то певшему, отдаленному движенію, потомъ послѣшшо встала, закрыла книгу, торопливо пригладила волосы; обтянула какифасовый халатикъ и, продолжая оправляться, скорыми шагами пошла къ двери, въ которую уже входила Марина Федоровна съ Варей.

Катя не сразу узнала въ коротко остриженной дѣвочкѣ свою маленькую сестру. Она, впрочемъ, смотрѣла не столько на вошедшихъ какъ на свою товарку по лазарету, которая столкаувшись въ двери съ классною дамою сдѣлала сначала реверансъ по положенію, потомъ взяла ея руку и съ жаромъ поцѣловала.

— Ну, какъ провела день, Надюша? На ногахъ твердо стоишь? спросила Марина Федоровна, глядя съ материнскою лаской на только въ этотъ день вставшую съ постели дѣвочку. — Поклоновъ тебѣ, продолжала она, — цѣлый коробъ, и нѣсколько писемъ въ придачу.

Она подала ей небольшую килку книгъ связанныхъ вмѣстѣ шауркомъ.

Письма тамъ же, сказала она, — а въ книгахъ отмѣчено все — Кривцова провѣряла. Тамъ разберешь впрочемъ, да вѣроятно и въ письмахъ найдешь всѣ объясненія. Не знаешь ты, гдѣ здѣсь лежитъ маленькая Солнцева, новенькая, пояснила она, — сегодня привели.

Катя приподняла голову, хотѣла сказать что она здѣсь, но узнала Варю и вскрикнула отъ радости. Варя же, увидѣвъ сестру, бросилась къ ней на шею и цѣлуя ее заговорила: — а я ужь думала что ты сегодня умерла какъ пала и Одея.

— Какая ты глупая! сказала Катя, и подвинувшись она усадила сестру возлѣ себя на постель и стала слушать съ терпѣніемъ взрослой безсвязную болтовню черезчуръ живаго ребенка, мысли котораго смѣняются быстрѣе нежели онъ успѣваетъ выразить ихъ словами.

Варя начала разказъ съ того, какъ она шла съ Нютой и Любей изъ залы и по какимъ большимъ большимъ комнатамъ онѣ проходили, и вдругъ перешла на то, какъ дѣвочки отвѣчали урокъ нѣмецкому учителю, у котораго большуціе глаза и голова гладкая, „вотъ такая“, Варя показала свою ладонь и засмѣялась. „Одну дѣвочку“, продолжала она, „онѣ

спросилъ что значитъ Wigke? она не знала; а Wigne? Она вдругъ посмотрѣла на него вотъ такими глазами, сказала Варя и искусно скосила глаза.

— Подво! не смѣй этого дѣлать, сама будешь касая. Что за страсть у тебя всѣхъ передразнивать!

Варя залилась промкимъ серебристымъ смѣхомъ и продолжала весело болтать обо всемъ заинтересовавшемъ ее, перескакивала съ одного предмета на другой, но ни разу не вспомнивъ о своихъ слезахъ и своемъ страхѣ.

Марина Федоровна дала дѣтямъ наговориться вдоволь и тогда уже подошла къ Катѣ.

— Какъ ты себя чувствуешь, дѣвочка? спросила она, приложивъ ко лбу Кати свою маленькую руку.—Жара вѣтъ; замѣтила она.—А ничего ты не кушала? спросила Марина Федоровна, показывая на ветронутый стаканъ и не вачатую булку.

— Я и забыла, сказала Катя, приподнималась съ намѣреніемъ сѣсть на постель, но вдругъ поблѣдѣла и упавъ на подушку, легла не двигаясь.— Это ничего, это пройдетъ, сказала она чрезъ минуту, стараась скрыть свое безлокойство.

— Скажи, мой другъ, бывало ли это съ тобой когда-нибудь прежде?

— Бывало ли что? Какъ сегодня когда я упала? спросила Катя.—Никогда! Я никогда не падала, у меня никогда голова не кружилась. Я только разъ во всю жизнь была больна и въ постели: это когда у меня была корь. Я не знаю что со мной сегодня сдѣлалось. Я и теперь совсѣмъ здорова до тѣхъ поръ пока лежу, а какъ только захочу встать или повернуться, мнѣ сдѣлается такъ не хорошо, такъ не хорошо, какъ тогда у двери.

— Все, Богъ дастъ, пройдетъ, дружечекъ. Завтра пріѣдетъ докторъ посмотрѣть тебя, а теперь ты ложись и спи спокойно. Сестрѣ въ классъ пора. Ей позволено остаться до семи часовъ, а теперь семь безъ десяти минутъ. Только только вовремя успѣетъ. Ну, маленькая, слѣзай, прощайся съ сестрой. Завтра, въ это время, тебя, по всей вѣроятности, опять пустятъ къ ней, конечно если ты будешь умница. А ты будешь умница? спросила Марина Федоровна, хлопая Варю по плечу, будто сгоняя ее съ постели.—Прощайся же съ сестрой скорѣе! скорѣе! Я не жду, договняй меня.

Марина Федоровна пошла скорыми шагами, не оглядываясь.

— Иди, иди скорѣй! заторопила Катя сестру, которая крѣпко обвила ее шею руками и казалось не хотѣла уходить. — Пусти, пусти, бѣги, а то завтра не позволятъ прийти, прибавила Катя, разнимая ея руки.

Надя Вязнина, съ участіемъ смотрѣвшая на разставаніе сестеръ, вдругъ подошла къ нимъ и сказала цѣлуя Варю;

— Идите скорѣе, а то Марина Федоровна уйдетъ, а вы не найдете дороги и вамъ достанется. Побѣжимте вмѣстѣ!

И она, схвативъ Варю за руку, побѣжала. Варя пошевола слѣдовала за ней. Онѣ догнали Марину Федоровну почти у выхода изъ лазарета.

Когда Надя Вязнина вернулась, Катя протянула ей черезъ голову свою руку.

— Благодарю васъ. Какая вы добрая! сказала она.

— А какая ваша сестра душка! и какая живая! То-то бѣдовая должна быть? Какъ жаль что она не можетъ быть въ одномъ дортуарѣ съ вами. Она вѣрно у Якупиной?

— Не знаю. А развѣ мы не вмѣстѣ будемъ? спросила Катя съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, вѣдь вы у насъ. Вы въ третій?

— Не знаю, право.

— Въ третій! сказала съ увѣренностію дѣвочка. — Мнѣ Марина Федоровна сейчасъ сказала что вы у насъ.

— Какъ я рада! сказала Катя. — Я эту даму уже видѣла, она экзаменовала меня. Она должна быть очень, очень добрая.

— Какой чортъ! произнесла вдругъ, вмѣшиваясь въ разговоръ, дѣвушка съ большимъ блѣднымъ лицомъ. — Она васъ порадуетъ какъ заберетъ въ свои когти.

Катя приподняла отъ подушки голову и съ изумленіемъ и любопытствомъ посмотрѣла на говорившую. Дѣвушка сидѣла на постели и повернувъ къ ней пухлое, блѣдное лицо, морщась расчесывала гребенкой свои запутавшіяся волосы.

— Ваша сестра счастливица если она попала къ Якупиной, продолжала она. — Елена Антоновна ангель, а не классная дама. Ее почти всѣ обожаютъ. Ну, а васъ за то не поздравляю. Я бы на вашемъ мѣстѣ, признаюсь, не хотѣла быть.

Надя Вязнина дѣлала видъ что ничего не слышитъ, а Катя совершенно не знала что ей на это сказать и молча смотрѣла на дѣвушку.

— Васъ какъ зовутъ? то-есть какъ ваша фамилія?

-- Солнцева.

— Вы ужь были гдѣ-нибудь или прямо съ воли?

— Какъ съ воли? спросила Катя, которой вопросъ этотъ показался смѣшнымъ.

— Ну, изъ дому что-ли.. Не все ли равно?

— Да, мы до сихъ поръ учились дома.

— А вы по комъ въ траурѣ?

— Папа утонулъ 7 ноября, отвѣчала коротко и съ видимымъ усиліемъ Катя.

Надя тотчасъ же почувствовала что это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ которыхъ не слѣдуетъ касаться, что смерть отца была горемъ еще далеко не пережитымъ, и послѣшила направить разговоръ на предметы и событія послѣдняго дня.

— Скажите, неужели вамъ послѣ экзамена не сказали въ какой классъ вы поступаете? спросила она Катю.

— Кажется нѣтъ, а впрочемъ, можетъ-быть и говорили, но я ничего не помню изъ всего что было со мной сегодня, кромѣ того, впрочемъ, что голова моя росла, росла, дѣлалась все тяжелѣе и тяжелѣе, и когда всѣ и все стало кружиться, я никакъ этого не хотѣла и долго держалась за что-то, но вдругъ это вырвалось у меня изъ рукъ и я закружилась. Больше затѣмъ ничего не помню...

Дѣвушка лежавшая въ постели громко захохотала.

— Вотъ счастливица-то! И отчего это со мной никогда ничего подобнаго не случится! Право, обидно...

— Нѣтъ, вы не смѣйтесь и не желайте этого; вы не можете себѣ представить какое это мучительное чувство.

— Ужь позвольте мнѣ лучше знать чего желать для себя, сказала съ намѣшкой дѣвушка.

Надя Вязина, все время молчавшая, не выдержала и обратясь къ Катѣ, сказала:

— Чего же лучше, уступите Красновой не только эту, но и всѣ ваши болѣзни на будущее время.

— Что-о-о-о? произнесла грубымъ голосомъ дѣвушка, быстро приподнявшись и усаживаясь на постели,—что ты сказала?

Неизвѣстно чѣмъ бы кончился разговоръ еслибы вниманіе всѣхъ не было вдругъ отвлечено.

— Mesdames! Фроузъ, Риттахъ и кажется Адлеръ! произнесла громкимъ шепотомъ высунувшаяся изъ-за двери чья-то голова.—Вязина, слышишь?

Голова такъ же быстро спряталась.

Надя живо подбѣжала къ противоположной двери и еще быстрѣе, также рѣзкимъ шепотомъ, торопливо произнесла: „Фронъ, Риттихъ и кажется Адлеръ!“ и мигомъ очутилась у табуретки своей постели, обтянула халатъ, поправила воротъ, пригладила рукой непослушныя, разсыпавшіяся по лбу волоски, оглянулась на постель и, увидѣвъ смятую подушку, проворно перевернула, ровно, аккуратно положила ее на мѣсто и стала спокойно дожидаться посѣтителей. Краснова послѣдшаю сунула валявшійся на постели гребень, смахнула съ одѣяла крошки, а сама легла, натягивая на себя одѣяло.

Катя съ любопытствомъ смотрѣла на этотъ переполохъ, не понимая въ чемъ дѣло и не рѣшаясь спросить объясненія.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошли: инспектриса, лазаретная дама и докторъ, человекъ небольшого роста, очень полный, съ сильною просѣдью въ рѣдкихъ волосахъ, во фракѣ, съ крестомъ на шеѣ. Онъ остановился на минуту у первой занятой постели, потомъ подошелъ къ Вязиной, сдѣлавъ ей нѣсколько вопросовъ и затѣмъ подошелъ къ Катѣ, объ обморокѣ которой говорила ему Мше Фронъ, входя въ комнату.

— Болитъ что-нибудь теперь? спросилъ онъ взявъ ее за руку и щупая пульсъ.

— У меня ничего не болѣло и раньше, только вотъ съ головой что-то вдругъ сдѣлалось, сказала Катя, покраснѣвъ до корней волосъ.

Докторъ сталъ разспрашивать о ея здоровьѣ съ самаго ранняго дѣтства, объ образѣ ея жизни дома, о родителяхъ. Долго и съ особеннымъ участіемъ говорилъ онъ съ ней и наконецъ спросилъ:—А теперь голова болитъ?

— Нѣтъ, но я боюсь двинуться чтобъ опять не сдѣлалось того что утромъ..

И Катя объяснила доктору обстоятельно какое болѣзненное ощущеніе она испытала предъ обморокомъ.

— Ничего, все пройдетъ, сказалъ онъ ободряющимъ голосомъ.—Сядьте-ка, мы посмотримъ что случилось съ головой.

— Я боюсь встать, тихо произнесла Катя, мѣняясь въ лицѣ.

— Мы поможемъ, сказалъ ласково докторъ и, обернувшись къ Мше Фронъ, предложилъ ей приподнять дѣвочку.

Катю приподняли и опасенія ея тотчасъ же оправдались; обморокъ повторился и былъ опять продолжительнъ. Докторъ, инспектриса и Мше Фронъ не отходили отъ нея до тѣхъ поръ пока она не пришла въ себя...

Очнувшись, Катя увидѣла доктора и услышала весело произнесенныя слова:—Ничего! Денька два-три въ постели, а потомъ и танцовать можно. Только теперь надо лежать спокойно и постараться скорѣе уснуть.

— Подоженіе весьма серьезное, сказалъ онъ, когда Катя не могла его слышать, — и причиной болѣзни паденіе: это несомненно. Теперь...

И онъ наморщивъ лобъ и потирая указательнымъ пальцемъ лѣвой руки подбородокъ, сталъ объяснять Мше Фронъ что слѣдуетъ дѣлать съ больною.

— Посмотримъ что завтра будетъ, окончилъ онъ, прощаясь.

Мше Фронъ, проводивъ доктора, вернулась въ лазаретъ и долго ходила изъ одной комнаты въ другую. Долго еще слышалась то въ одной, то въ другой комнатѣ ея сдержанный до шепота строгій голосъ.

— Не болтать, вамъ говорить. Если вы сами не хотите спать, не мѣшайте по крайней мѣрѣ другимъ, кому нуженъ покой. Вы дождетесь что я переведу васъ въ отдѣльную комнату!

Въ десятомъ часу всѣ успокоились. Казалось, всѣ спали. Мше Фронъ, обойдя въ послѣдній разъ свое, какъ ей казалось, безмолвное, сонное царство, ушла въ свою комнату.

Въ комнатѣ гдѣ лежала Катя было совершенно тихо, только отъ времени до времени слышались шаги Мше Фронъ, осторожно, въ мягкихъ туфляхъ проходившей по спальнѣ. Катя лежала съ закрытыми глазами, но не спала. Тяжелыя, безпокойныя мысли назойливо лѣзли ей въ голову. Отъ этихъ мыслей она чувствовала томительную боль подъ ложечкой и то непріятное ощущеніе которое она называла замираніемъ сердца.

„Господи! ужь не съ мамой ли что-нибудь!“ думала она. „Что если она опять заболѣла? Марина не услышитъ. Она никогда не слышитъ. Вдругъ съ ней повторится припадокъ, а она одна, совсѣмъ одна. Не можетъ же Александра Семеновна не спать ночью. Господи! еслибы только одну минуту взглянуть на нее. Бѣдная мамочка.“ И Катя крестилась и молилась о матери, а боль подъ ложечкой и томленіе въ сердцѣ не унимались. „Еслибъ уснуть только; завтра, можетъ-быть, мама сама пріѣдетъ. Александра Семеновна обѣщала ее привезти... Лучше не думать,“ говорила себѣ Катя... И она лежала, рѣшивъ ни о чемъ не думать... „Варя“, вдругъ мелькнуло у ней

въ умѣ, и безпокойство, или вѣряе то неприятное томленіе которое часто объясняютъ себя предчувствіемъ чего-нибудь недобраго, усиливалось въ ней. Можетъ-быть Варя упала съ кровати, испугалась или расшиблась; плачетъ теперь; или дѣвочки обидѣли ее. Онѣ все уже большія. Маленькихъ совсѣмъ не было. „Какъ ей бѣдной теперь страшно, если она тоже не спитъ!.. Нѣтъ, вѣрно съ ними спитъ горничная, вѣдь нельзя же ихъ однихъ оставлять... И здѣсь, у насъ въ комнатѣ конечно есть горничная. Мало ли что можетъ попадобиться“...

Катя открыла глаза, осторожно приподняла голову и повернула ее въ ту сторону гдѣ стояла кровать Нади Вязиной.

— Вы тоже не спите? коснулася ея слуха еле слышный шепотъ.

Въ комнатѣ было почти темно, и только середина ея чуть освѣщалась тусклымъ огонькомъ сальной свѣчки, горѣвшей въ высококомъ, аршина на полтора отъ полу, жестяномъ подсвѣчникѣ, налитомъ водою.

Катя узнала голосъ Нади Вязиной и, взглянувъ пристально, различила въ темнотѣ сидѣвшую на постели темную фигуру.

— А вы давно проснулись? спросила такъ же тихо Катя.

— Я еще не засыпала. Я иногда до утра не могу уснуть.

— О-о-о! Отчего же? Вы боитесь?

— Нѣтъ, а вы?

— Я до сихъ поръ не думала о страхѣ, но эта длинная-длинная, почти пустая комната, эта темнота, этотъ странный свѣтъ и кругъ по срединѣ... А потомъ такъ холодно, прошептала Катя съ легкою дрожью въ голосѣ.

— Хотите я перейду на постель рядомъ съ вами?

— Ахъ, еслибъ это было можно! произнесла почти громко Катя, забываясь.

— Тихе!... что вы?..

Обѣ на минуту замолкли.

— Вамъ правда холодно? спросила Нада, убѣдившись что все спокойно.

— Да... Какъ жаль что печѣмъ закрыться, у меня даже зубы стучать.

— Пойдите я переложу подушки, перейду на эту постель, а потомъ разбудимъ дежурную. Она вонъ тамъ, рядомъ, въ комнатѣ. Она дастъ вамъ еще одѣяло.

Надя неслышно встала, накрыла свою постель, сравняла оцупью одѣяло, переложила подушки съ незанятой постели

на свою, а свою на ихъ мѣсто, открыла одѣяло и мигомъ очутилась въ постели, рядомъ съ Катей.

— Здравствуйте! сказала она, протягивая ей руку.

Катя крѣпко сжала ее руку въ своихъ.

— Разбудимъ теперь дежурную, хотите?

— Нѣтъ, отвѣчала Катя, не выпуская ее руки.—Если вы можете, натяните мнѣ одѣяло выше на плечи. Я думаю если я завернусь въ него хорошенько, то согрѣюсь, а то она придетъ и пожалуй велитъ вамъ уйти на ту кровать.

Надя живо очутилась возлѣ своей подруги, накрыла ее, подсунула одѣяло какъ можно ближе, поцѣловала ее и щелкая зубами и зѣвая прыгнула на свою постель и спряталась съ головой подъ одѣяло. Черезъ минуту она высунула голову и спросила.

— Вы согрѣлись?

— Я, да...

— Знаете, вѣдь и башмаки-то оставила тамъ, а полъ — какъ ледъ.

— Ай-ай-ай! Какъ же можно! сказала Катя приподнявъ голову и протягивая ей руку.—Это вы изъ-за меня!

— Закройтесь и не шевелитесь. Да, согрѣлись вы, или все еще холодно?

— Нѣтъ, шегсі, мнѣ теперь лучше. Скажите, лазаретная дѣма, или начальница кажется, приходитъ она сюда ночью?

— Зачѣмъ? Если случится что-нибудь особенное, или приведутъ кого-нибудь, чего почти никогда не случается, ей дадутъ знать, ну, тогда она придетъ, а такъ—нѣтъ. Чтò ей тутъ дѣлать? Она придетъ теперь утромъ въ восемь часовъ.

— А какъ же вы-то?

— Я? я перенесусь на свое мѣсто, а завтра попрошу чтобъ она позволила мнѣ перейти на эту постель. Ей все равно, и она никогда не придирается.

— А эта, не знаю какъ ее зовутъ, ваша сосѣдка не разсердится на васъ за то что вы перешли?

— Пусть сердится. Она сама меня все время сердила.

— Вы разсердились на нее за вашу даму, кажется? Скажите, за чтò она ее не любитъ? спросила Катя.

— За чтò? сказала дѣвочка съ раздраженіемъ.—За то что Миле Милькѣева никому не потакаетъ. За то что она всегда какъ-то все видитъ и все знаетъ, и если она поймаетъ въ чемъ-нибудь выпускную или кофешку, ей все равно, она не

слустить. А онѣ привыкли вольничать. У нихъ и еще въ омъ классѣ гдѣ ваша сестра, дамы—курицы, при которыхъ хоть на головахъ ходи. Норкиной, ихъ дамѣ, еще надо льстать, говорить глупости, показывать обожаніе, а Якувиной... Нади махнула рукой.—Этой ничего не надо, ее какъ будто бѣ и вовсе нѣтъ. Но по моему классной дамы лучше Миле Милькѣевой и быть не можетъ, хотя многія, очень многія ее не терпятъ и боятся же! уфъ! Я увѣрена еслибы намъ вмѣсто нея дали Норкину или Якувино, нашъ классъ былъ бы далеко не тѣмъ что онъ теперь. Говорятъ, Миле Милькѣева „невозможная педантка“, не знаю. Правда, попадись ей въ чемъ-нибудь, она накажетъ строже можетъ-быть нежели кто-нибудь, но ужъ за то даромъ никогда никого не накажетъ и „своихъ“ въ обиду никому не дастъ.

— Какъ же? спросила Катя,—она своихъ въ обиду не дастъ, а сама если поймаетъ чужихъ, накажетъ.

— Нѣ-ѣтъ, вы этого еще не понимаете. Она чужихъ и не станетъ наказывать; что ей за радость? Она только не станетъ смотрѣть сквозь пальцы, не скроетъ ни за что. Поймаетъ и приведетъ тамъ къ кому слѣдуетъ, или какъ онѣ говорятъ: „сфискалить и подниметь исторію“. Да вотъ теперь у насъ исторія страсть! Я вамъ говорю это по секрету.

Надя перевѣсила голову черезъ кровать и нагнувшись почти къ уху Кати, прошептала еще тише чуть шевеля губами: „Старшія съѣли у себя въ дортуарѣ стѣну.“

— Какъ съѣли? живо перебила Катя, которую стѣна эта смутила и заинтересовала еще прежде когда она случайно подслушала разговоръ.

— Какъ? кто ихъ знаетъ! Съѣли и наказаны безъ родныхъ на двѣдцать мѣсяць. Теперь уже третій день идетъ разборка. Многія и изъ другихъ классовъ замѣшаны, и говорятъ что открыла это дѣло Миле Милькѣева. Ну, конечно, всѣ и бѣсятся теперь на нее.

— А вы видѣли эту стѣну когда-нибудь? спросила Катя съ любопытствомъ.

— Еще бы! даже въ тотъ день какъ меня сюда, въ лазаретъ, вели. Но тогда она была совсѣмъ цѣла.

— Удивительно! произнесла Катя съ неподдѣльнымъ изумленіемъ.—Какая же это была стѣна?

— Какая? Право, не знаю. Конечно самая обыкновенная, да я впрочемъ и не знаю которую онѣ съѣли. У нихъ, такъ же какъ и въ другихъ дортуарахъ, было четыре стѣны.

— Но знаете, я думаю что это лустяки. Разказываютъ, такъ, ради шутки... рѣшилась высказать свое предположеніе Катя.

— Пф-фть! какія тутъ шутки! Это правда. Да я, впрочемъ, нисколько и не удивляюсь. Вы еще не знаете что онѣ могутъ ѣсть. Я сама видѣла какъ ѣдятъ грифель, мѣлъ, карандаши; угли вытаскиваютъ потихоньку изъ печки и ѣдятъ. Да вотъ посмотрите завтра, когда придутъ на перевязку. Тамъ есть одна большая, толстая такая, Корина; я вамъ ее покажу. Она не можетъ пройти мимо стола чтобы не схватить горсть муки или я не знаю что такое бѣлое въ тарелкѣ, которая ставится для больного рожей, схватить горсть и такъ набѣсть себѣ ротъ что того и смотри задохнется. Только я никакъ не могу понять какъ онѣ ухитрились стѣну съѣсть, и хотѣлабы знать сколько онѣ съѣли и много ли осталось. А что если бы они вздумали все стѣны съѣсть, вѣдь насъ бы тогда навѣрное домой распустили? сказала дѣвочка и засмѣялась.

— Да, произвела Катя въ раздумѣ, — странный вкусъ! А откуда же онѣ берутъ все это?

— Откуда? Ну когда, на примѣръ, карандаши и грифеля на цѣлый классъ чинять, вы понимаете сколько набирается этого порошку, такъ онѣ его на расхватъ, горсточками, съ наслажденіемъ.

— Скажите, а ваша Мше Милкѣва строгая? вдругъ спросила Катя.

— Если хотите—да. Она ужасно взыскательна, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что бы ни говорили, она добра и главное—очень справедлива. Даромъ она никогда, никого не наказала, но надо признаться никогда и не спустила никому. Про нее вамъ будутъ говорить много дурнаго, но вы не вѣрьте. Всего объяснить нельзя. Увидите сами. Только зачѣмъ мы говоримъ другъ другу *вы*, будемте друзьями и на *ты*, — хотите?

Надя нагнулась къ Катѣ ожидая отвѣта. Катя молча обвила ее шею своею рукой, и дѣвочки поцѣловались.

Катя никогда еще не имѣла друга, и предложеніе Няди тронуло ее до глубины души. Цѣлуя своего друга, она прошептала:—Знаешь, я теперь даже рада что заболѣла, а то мы не были бы друзьями.

— Я думаю намъ въ дортуарѣ придется рядомъ спать, отвѣтила на это Надя. Мѣсто есть только на нашей сторонѣ. Вѣрно Мше Милкѣва прикажетъ немного сдвинуть кровати

и поставить твою, а на другой сторонѣ и безъ того тѣсно. Только мы должны дать клятву что у насъ другъ отъ друга секретовъ никогда никакихъ не будетъ. Уроки будемъ готовить вмѣстѣ. Вмѣстѣ ходить на рекреціяхъ. Обожать будемъ одинъ и тотъ же предметъ и презирать тоже?

— А у тебя есть здѣсь друзья? спросила Катя.

— Друзья, сказала съ насмѣшливою улыбкой Надя, — друзья всѣ въ классѣ, но другъ настоящій можетъ быть только одинъ. У меня былъ другъ, произнесла она грустно, — но мы давно разсорились, и для тебя это не можетъ быть секретомъ. Мы разсорились за то что она не хотѣла обожать моего Петрова, а я не могла измѣнить ему для какой-нибудь Краснопольской, которую я съ тѣхъ поръ презираю. Ты конечно будешь обожать *его*.

Катя присядила съ подушки голову и посмотрѣла на Надю вопросительно, почти испуганно. Ей очень хотѣлось спросить объясненія послѣднихъ словъ, но она не рѣшалась сознаться что положительна не понимаетъ чего отъ нея хочетъ ея новый другъ.

— Я обожаю *его* уже третій годъ, продолжала свое признаніе Надя. — Ахъ, душка, какой у него голосъ! — Она нагнулась съ постели и поцѣловала Катю. — Душка, скажи откровенно, у тебя можетъ-быть уже есть свой предметъ и ты его тоже давно обожаешь, тогда...

— Какой предметъ?! Нѣтъ, я никакихъ предметовъ не обожаю, перебила ее Катя.

— Ну, тѣмъ лучше, значить мы будемъ обожать *его*.

— Кого *его*? спросила Катя съ тревогой въ голосѣ. Она открыла еще болѣе свои большіе глаза и съ неописаннымъ удивленіемъ и безпокойствомъ всматривалась въ лицо своего новаго друга. — Кого? повторила она. — Какъ обожать?

— Кого? ты увидишь; а какъ? подожди.

Надя замаялась и не знала какъ ей начать свое объясненіе.

— Да ты скажи просто, какъ ты сама это дѣлаешь.

Надя весело, отъ души засмѣялась.

— Какъ ты сама это дѣлаешь? передразнила она. — Какая ты, право, смѣшная! Какъ бы тебѣ это сказать?.. начала она. — Ну, если ты на примѣръ избрала свой предметъ, и предметъ твой, положимъ, учитель какой-нибудь, ты стараешься для него больше чѣмъ для кого-нибудь, больше чѣмъ для всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ, всегда отличо готовишь для него урокъ, на зубокъ, какъ говорится. Забо-

ташься чтобъ у него возлѣ журнала всегда лежало новое перо отачно очиненное, крадашь какой-нибудь особенный, въ красивомъ набадашникѣ, бисерномъ или тамъ все равно какомъ, только хорошемъ. Для его уроковъ имѣешь самую красивую, собственную, не казенную, конечно, тетрадку, всегда какъ нельзя лучше написанную. Стараешься встрѣтиться съ нимъ въ двери какъ будто невзначай въ то время когда онъ входитъ въ классъ чтобы лишній разъ ему поклониться, ну да понимаешь, разныя разности, смотря по обстоятельствамъ.

— И все это вамъ позволяютъ?

— Позволяютъ?—Надя опять тихо засмѣялась.—Какая ты удивительная! Развѣ въ такихъ дѣлахъ спрашиваютъ позволенія?

Долго еще Надя разказывала о разныхъ и самыхъ удивительныхъ подвигахъ самоотверженія въ честь дружбы и обоженія, но Катя задумалась и уже плохо слушала ее. Все что она узнала въ эту ночь было такъ ново и казалось ей такъ страннымъ, дикимъ, что ей стало не по себѣ, и перспектива имѣть друга уже не утѣшала ее какъ въ первую минуту; она почти готова была отказаться отъ дружбы предложенной на подобныхъ условіяхъ. Когда Надя наконецъ замѣтила что Катя не слушаетъ ее болтовни, она чуть слышно окликнула ее.

— Катя, ты кажется спишь?

— О, нѣтъ! Я слушаю; ты говорила что въ старшемъ классѣ..

— Да, заговорила Надя счель быстро,—онѣ еще въ кофейномъ кровью подписали клятву, и ихъ дружбѣ до сихъ поръ все удивляются. А Торина и Энгель! Это тоже настоящіе друзья. Торина выжгла себѣ имя Энгель на рукѣ, а Энгель..

— Какъ выжгла? зачѣмъ? перебила Катя свою подругу.

— Я сама не видѣла конечно какъ она это дѣлала. Меня даже тогда еще и не было здѣсь, но говорятъ что она какъ-то раскалала стальную булавку и накалывала ею кожу, потому чѣмъ-то крѣпко терла. Вышло прекрасно и такія красивые буквы. Это ужъ я сама видѣла.

— Зачѣмъ же это она дѣлала? повторила съ удивленіемъ Катя.

— Какъ зачѣмъ? Изъ любви! отвѣтила дѣвочка съ гордостью.

— И вы тоже это дѣлаете? спросила смущенно Катя.

— Вы? Отчего ты мнѣ говоришь *вы*? спросила Надя обиженнымъ тономъ.—Это дѣлаютъ только истинные друзья, пояснила она сдѣлавъ удареніе на словѣ истинные.

Катя молча, будто извиняясь, протянула ей руку. Надя

крѣпко пожала ее и продолжала свой разказъ, но не окончивъ его, она нагнулась надъ Катей и прислушалась.

— Уснула, прошептала она улыбаувшись, — да и поздно. Она перекрестилась, завернулась въ одѣяло и тоже скоро уснула.

Свѣчка догорѣла. Фитиль съ трескомъ погасъ въ водѣ. Всѣ въ комнатѣ спали, только Катя не могла успокоиться. Она лежала съ закрытыми глазами и невеселыя мысли опять тѣснились въ ея головѣ и не давали ей покоя. Подъ утро она уснула тѣмъ непріятнымъ, тяжелымъ сномъ который не освѣжаетъ и не бодритъ, но послѣ котораго просыпаешься еще болѣе утомленнымъ, разбитымъ. Ей спилось что она куда-то очень торопится. Mademoiselle Милькѣва идетъ впереди такими большими шагами что ей, какъ она ни бѣжитъ, не удается ее догнать и къ ужасу ея разстояніе между ней и Mademoiselle Милькѣвой растетъ съ каждымъ шагомъ. Вдругъ Mademoiselle Милькѣва пропадаетъ, а она остается одна и въ такомъ тѣсномъ мѣстѣ что едва можетъ пошевелиться, хочетъ крикнуть и не можетъ. Она собираетъ всѣ свои силы, вылѣзаетъ... изъ ящика какого-то большого комода краснаго дерева съ мѣдными бляхами, вылѣзаетъ и попадаетъ въ другой, такой же ящикъ, только еще тѣснѣе. Она бьется, высвобождается и попадаетъ опять въ ящикъ. Всѣ эти ящики вдвинуты другъ въ друга и одинъ тѣснѣе другаго, она задыхается, не можетъ издать ни малѣйшаго звука, въ ужасѣ дѣлаетъ сверхъестественное усиліе и вылѣзаетъ... Просторно, холодно... Она хочетъ осмотрѣться гдѣ она, но яркій свѣтъ ослѣпляетъ ее и заставляетъ закрыть глаза. Ничего не видя она слышитъ какой-то сильный шумъ, не то волны бьются о гранитный берегъ при свистѣ и завываніи вѣтра, не то дворники скребутъ долатами снѣгъ съ тротуаровъ. Она открываетъ глаза—большая комната, на полу, по стѣнамъ, на карнизѣ подъ потолкомъ безчисленное множество дѣвочекъ большихъ, маленькихъ и крошечныхъ въ разноцвѣтныхъ камлотовыхъ платьяхъ и бѣлыхъ передникахъ. Всѣ онѣ усердно грызутъ стѣну широкими какъ долаты большими зубами...

— Катя, Катя, проснись, что съ тобой? говоритъ Надя Вязина дергая одѣяло своего новаго друга.— Вотъ заспалась-то!..

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В.

(Авторъ повѣсти Отчего.)